

всепутная история в романах

Сергей СУХАНОВ

СОВА ЛЕТИТ НА СЕВЕР

Всемирная история в романах

Сергей Суханов

Сова летит на север

«ВЕЧЕ»

2021

Суханов С.

Сова летит на север / С. Суханов — «ВЕЧЕ»,
2021 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4484-8532-9

Середина V в. до н. э. Первый стратег Афин, Перикл, во время праздника в честь Диониса случайно попадает на незаконные бои без правил. Победителем становится фракиец, убивший своего соперника. Выясняется, что это Спарадок, свергнутый царь одрисов. В уме Перикла зреет план – как раз такой человек нужен ему на Боспоре в качестве наместника Афин. Так Спарадок становится Спартоком. С помощью афинской эскадры ему предстоит захватить столицу Боспорского государства Пантикапей, сосредоточить власть в своих руках и таким образом стать основателем новой династии... но сколько судеб ломает эта война!

ISBN 978-5-4484-8532-9

© Суханов С., 2021

© ВЕЧЕ, 2021

Содержание

Об авторе	7
Пролог	8
Глава 1	14
Глава 2	32
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Сергей Сергеевич Суханов

Сова летит на север

Посвящаю Светлане В., с благодарностью за чуткость и внимание

© Суханов С.С., 2021

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

Сайт издательства www.veche.ru

Сергей Сергеевич
Суханов

Об авторе

Сергей Сергеевич Суханов родился в 1958 году в г. Потсдаме, ГДР. Впоследствии семья переехала сначала в Рязань, а затем в Ленинград, где Сергей окончил английскую школу, решив в дальнейшем связать свою жизнь с филологией. Однако с первого раза поступить на филфак Ленгосуниверситета не удалось.

Мечта сбылась после службы в рядах Советской армии и окончания подготовительных курсов при Ленгосуниверситете – Сергей был зачислен на скандинавское отделение.

Впоследствии работал гидом, переводчиком с английского и шведского языков, организовал частное предприятие. Завершил свою трудовую карьеру на посту топ-менеджера крупной шведской фирмы. Без отрыва от работы окончил экономический факультет Санкт-Петербургского госуниверситета.

После истечения срока контракта пытался найти себя в разных сферах деятельности, но удовольствие приносила только работа журналистом-фрилансером. Сергей написал около сорока статей для журнала «Тайны двадцатого века» на разнообразные темы, специализируясь на интересных исторических фактах и загадочных научных явлениях. Постепенно пришло понимание, что ему по плечу более серьезное творчество. Оставалось определиться с жанром.

В то время Сергей зачитывался книгами популярных российских писателей: Виктора Пелевина, Бориса Акунина, Владимира Сорокина. Но наиболее сильное впечатление на него произвели романы Алексея Иванова. Безупречная стилистика, удивительные по красоте метафоры, динамичный сюжет – эти несомненные достоинства книг Иванова не оставили Сергея равнодушным и помогли выбрать жанр, в котором лучше работать, – исторические приключения. При выборе темы тоже почти не возникло колебаний, ведь Сергей давно увлекается историей Древнего мира.

Действие опубликованных романов Сергея Суханова – «За рекой Гозан» и «Тень Химавата» – разворачивается в первом веке новой эры. География произведений обширна – от хребтов Гиндукуша до берегов Индийского океана.

Новый роман «Сова летит на север» посвящен событиям середины V в. до н. э. на Боспоре (современный Керченский пролив) и это тоже не случайно, ведь Сергей, по его собственному признанию, обожает Крым: «Стрекот кузнечиков в обожженной солнцем траве, напоенный запахом моря воздух, пастелевые закаты, словно сошедшие с картин импрессионистов – этой благословенной земле, как хорошему актеру, подвластна любая роль: и дикой Таврики Геродота, и чарующей утопической Гринландии Александра Грина, и вождя Элизима советского отпускника». Это восприятие Крыма в полной мере проявилось в книге...

Сергей Суханов – член Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Он отец двух замечательных дочек.

Избранная библиография:

За рекой Гозан, 2020

Тень Химавата, 2020

Сова летит на север, 2021

Пролог

*Год архонта¹ Феодора², осень
Боспор³, Фракия*

Белуга мощно ударила хвостом, окатив водой загорелых бородатых людей. Вроде бы устала от борьбы, затихла. Так нет – решила спасти свою жизнь в последнем отчаянном броске.

Среди осетровой и севрюжьей молодежи здоровенная рыбина казалась ожившим топляком. Раскрыв рот, она обреченно двигала жабрами и тарасила полные паники глаза, которые с каждым мгновением теряли блеск.

Кольцо сужалось.

Вот уже в бока вонзились бронзовые багры. С гомоном, руганью трое рабов подхватили усатое чудище, выволокли на песок. Остальные сворачивали невод, подтягивали улов к мелководью.

На берегу столпились нетрезвые послы из Милета. Показывали пальцами на белугу, хлопали себя по ляжкам. Хозяин пирушки, эсимнет⁴ Пантикапея, самодовольно сжав губы, вертел головой, словно хотел сказать: вот, смотрите, это моя добыча, мое море, все тут – мое.

– Хороша! – азартно воскликнул он. – Талантов⁵ шесть, не меньше.

И скомандовал рабам, показывая в сторону большого плоского камня:

– Тащите туда! Да не валяйте в песке! Вон, дурень, смотри, плавником загребают...

Пока рабы разделяли тушу, гости снова расселись на войлочных коврах, подняли ритоны. Хотят еще вина! По знаку эсимнета рабыни в коротких хитонах подбежали с кувшинами и закусками. Наливая, широко улыбаются. А попробуй не улыбнись – выпорют потом на конюшне. Вон, надсмотрщик не спускает глаз, все примечает: кто отлынивал, кто губы скривил, когда схватили за ляжку. Стоит в тени боярышника, плеткой поигрывает – тут не забалуешь.

А милетянам все равно, кого из них лапать, девки-то отменные, отборные, сочные молодухи.

Так и носятся рабыни с гримасой притворного дружелюбия на лице к воде и обратно. Тащат вкопанные в мокрый песок гидрии⁶ с родниковой водой, ойнохои⁷ с вином, гранатовый сок в амфорах.

Босые ноги по бедра в песке и засохшей тине, но гости все равно щиплют за икры, лезут под хитон.

Большой кратер⁸ опустел. Когда выпили пару амфор разбавленного вина, хозяин предложил пить по-скифски – чистое. Вот тут и началось! Скоро послы еле держались на ногах. Языки развязались, разговор пошел по душам.

¹ Архонт – букв. «начальник, правитель», высшее должностное лицо в Древней Греции и древнегреческих колониях.

² Год архонта Феодора – год правления в Афинах архонта-эпонима Феодора, т. е. с середины 438-го по середину 437 г. до н. э. Здесь и далее автор пользуется афинским календарем.

³ Боспор – Боспор Киммерийский, совр. Керченский пролив и прилегающая к нему территория, а также краткое название Боспорского царства со столицей в Пантикапее (совр. город Керчь).

⁴ Эсимнет – согласно Аристотелю, выборный тиран.

⁵ Талант – весовой талант до Александра Македонского равнялся 36 кг; талант как денежная единица составлял 6000 серебряных драхм или 60 мин.

⁶ Гидрия – керамический сосуд для воды.

⁷ Ойнохоа – одноручный кувшин яйцеобразной формы для разливания вина.

⁸ Кратер – сосуд для смешивания вина с водой.

Вспомнив о деле, эпитроп⁹ милетян жарко задышал хозяину в ухо:

– Ты сколько медимнов¹⁰ зерна можешь в год поставить?

– Четыреста тысяч.

– А вывозная пошлина?

– Одна тридцатая от стоимости.

– Вот! Это ж какие деньжищи... Не хочешь по две с половиной драхмы за медимн, давай по три без четверти. И это... Кизик, подумай, может, пошлину снизишь, а?

– Подумаю, – фыркнул эсимнет – Ты первый, что ли, ко мне подкатываешь с такой просьбой? Да в Пантикапей уже очередь выстроилась! Синопа, Амис и Гераклея готовы брать зерно не торгуясь. Самосцы тоже. Того и гляди Феодор из Афин нагрывает... Ну, не сам, конечно, найдет, кого прислать.

– Знаю... – эпитроп насупился, лицо пошло белыми пятнами. – Городов много. Только Милет один. Ты, может, забыл, откуда Археанактиды¹¹ родом? И мы – милетяне!

Он ударил себя кулаком в грудь, громыхнул:

– Где твоя солидарность?

Этот аргумент показался Кизику надуманным. Почему-то посол напирал на милетские корни Археанактидов. Хотя времена господства Милета в Геллеспонте¹² и Пропонтиде¹³ давно миновали. После разгрома персами этот когда-то великий ионийский город так и не вернул себе былую славу. Теперь правила диктуют мощные Афины. Но хорошо ли это? С тех пор как афиняне установили контроль над Фракийским Боспором и Византием¹⁴, греческие корабли свободно выходят в Понт Эвксинский¹⁵, торгуют как хотят и с кем хотят. Сбивают цены на зерно.

– Так и в Синопе живут милетяне, – эсимнет сделал вид, что сомневается. – Что ж зерно им не продать. Тем более что мы у них железо покупаем. Из Византия возим золото и медь. Не знаю... Может, вам с Херсонесом Таврическим¹⁶ или с Феодосией договориться? Но тогда надо плыть в Гераклею Понтийскую¹⁷. Мы в ее дела не суемся.

Эпитроп вздохнул.

– Так-то оно так... Только пахотные земли лежат к востоку от Феодосии, поэтому больше, чем Пантикапей, зерна никто не сможет дать... – безнадежно махнул рукой. – Ну, с тобой не выйдет, поплывем в Гераклею.

– Ты погоди, не горячись, – осадил гостя Кизик. – Я своего последнего слова еще не сказал.

Ему показалось подозрительным, что эпитроп ни разу не упомянул Кепы – город по ту сторону Боспора, расположенный в устье Антикита¹⁸. Тоже милетская колония, хотя сейчас всем заправляют синды¹⁹. Не ровен час, послы отправятся в гости к Даиферну. Тогда жди беды:

⁹ Эпитроп – 1) посол, глава делегации, агент полиса с правом налаживать торговые отношения; 2) управляющий, смотритель, опекун.

¹⁰ Медимн – древнегреческая мера объема сыпучих и жидких тел, около 39 литров.

¹¹ Археанактиды – династия правителей Боспорского царства в первой половине V в. до н. э., названная по имени основателя династии – Археанакта.

¹² Геллеспонт – совр. пролив Дарданеллы.

¹³ Пропонтида – совр. Мраморное море.

¹⁴ Византий – колония мегарцев, совр. Стамбул.

¹⁵ Понт Эвксинский – букв. «гостеприимное море», совр. Черное море.

¹⁶ Херсонес Таврический – колония гераклеитов, совр. Севастополь.

¹⁷ Гераклея Понтийская – колония мегарцев, совр. г. Карадениз Эрегли в Турции.

¹⁸ Антикит – совр. р. Кубань, которая когда-то впадала в Таманский залив.

¹⁹ Синды – кавказоязычная народность, заселявшая в древности территорию Таманского полуострова и Краснодарского края.

ударят по рукам. Придется снова ввязываться в войну, а иначе никак – синдам спуска давать нельзя. Зерна у них навалом, хотя торговый флот слабоват. Но у Милета флот есть.

От ощущения опасности эсимнет даже протрезвел.

«Так... – лихорадочно думал он, – что делать?»

Пожевав губами, примирительно заговорил:

– Хорошо, и вы, и мы – дети Аполлона. Я принесу в жертву козла, пусть Светоносный явит свою волю гиероскопам²⁰. Тогда и поговорим.

Он махнул рабам, чтобы несли жаркое. От костров уже доносился аромат сдобренной соусами рыбы.

К вечеру сторговались на трех драмах. Кизик знал, что стоимость пшеницы в Пирее²¹ доходит до шести драм за медимн. Эсимнет потирал руки: афинянам такую цену не задерешь, у них Сицилия под боком. Так еще и о поставках соленой рыбы договорились. Зря, что ли, он послов белужиной кормил!

Часть платы милетяне внесут тканями. Эпитроп обещал прислать зерновозы к началу месяца пианэпсиона²², когда зерновые ямы боспорян будут забиты пшеницей и ячменем до отказа. Тем более что с мемактериона²³ навигация по Понту закрывается. Как они будут улаживать дела с пиратами и проходить афинские заставы Пропонтиды – не его дело. А то, что половину рыбных запасов он покупает у меотов в Танаисе²⁴, а половину зерновых запасов – у синдов в Фанагории²⁵ и Кехах, милетянам знать не полагается.

* * *

Династ одрисов²⁶ Ситалк хмуро смотрел на стоящего перед ним человека.

Спарадок – родной брат... Изменник и самозванец! Отцу он казался слабым, безвольным. Выездке и поединкам предпочитал книги греческих философов. На празднике весенних Дионисий стыдно было даже выпускать его на скачки.

Не в таком царе нуждались одрисы.

Переворот после смерти Тереса прошел гладко, без особой крови. Ситалк сделал свергнутого с престола брата царем дружественных бизалтов. Выходит – пожалел, понадеявшись, что тот будет жить на Стримоне²⁷, не вмешиваясь в дела одрисов.

Но Спарадок повел племя на восток, осел между Тирасом²⁸ и Гипанисом²⁹. Чем там занимался – неизвестно, скорее всего, понемногу грабил скифов, понемногу – греков Ольвии.

Однажды скифские купцы хотели расплатиться с Ситалком за вино странными монетами – серебро, но не жеребчики³⁰, совы³¹ или кизикины³², а тетрадрахмы неизвестной чеканки. На лицевой стороне был изображен всадник, вооруженный двумя дротиками. На оборотной –

²⁰ Гиероскоп – лат. гаруспик, гадатель по внутренностям животного.

²¹ Пирей – порт в Греции в составе Больших Афин.

²² Пианэпсион – месяц древнегреческого календаря, соответствует октябрю – ноябрю.

²³ Мемактерион – ноябрь-декабрь.

²⁴ Танаис – город меотов в дельте реки Танаис (совр. река Дон).

²⁵ Фанагория – колония теосцев на южном берегу Таманского залива, недалеко от Кеп.

²⁶ Одрисы – фракийское племя.

²⁷ Стримон – совр. река Струма.

²⁸ Тирас – совр. река Днестр.

²⁹ Гипанис – здесь совр. река Южный Буг.

³⁰ Жеребчики – коринфские статеры с изображением Пегаса на реверсе.

³¹ Сова – афинские тетрадрахмы и драхмы с изображением совы на реверсе.

³² Кизикины – электровые монеты города Кизик, в описываемое время широко использовавшиеся в международной торговле.

знак царской власти: орел со змеей в клюве. Сказали, что продали рабов какому-то фракийцу, других денег у того не оказалось.

Брат – кто же еще!

С тех пор он потерял покой.

Пока не заполучил предателя. Скифский номарх³³ Окамасад, племянник Ситалка по матери, передал ему Спарадок на Метре³⁴ в обмен на своего брата – Скила. Пленников привели на остров, мир скрепили совместным распитием чаши вина. Границей между царствами по-прежнему остался Метр.

Оба войска гудели несколько дней – цари справляли успешное разрешение династических споров. Потом ушли, каждый в свою сторону. Скил к тому моменту, скорее всего, уже погиб. Но Ситалк не стал сразу убивать Спарадок. Хотел насладиться властью над ним, унижить. Тот плелся с войском пешком, как простой общинник. Ночевал в телеге, даже нужду справлял на глазах у надзирателей...

Ситалк боролся с собой. Мысленно он уже разорвал грудь брата и вытащил еще теплое сердце. Но рука почему-то не поднималась.

Ох, как трудно дается ему это решение.

– Ты исчезнешь. Я прикажу смыть следы твоих ног до самого причала. В Энос не пойдешь, сядешь на корабль здесь, в Кипселе. Завтра. Плыви, куда хочешь – хоть в Милет, хоть в Афины. Но если узнаю, что ты высадился на берегу Стримонского залива, из-под земли достану и...

Ситалк мстительно растягивал слова.

– ...сделаю посланником народа к Залмоксису.

Спарадок очень хорошо знал, что это значит. Раз в четыре года в день летнего солнцестояния жрецы перед дворцом подбрасывали на копья жертву богу Залмоксису, которую выбирали по жребию среди общинников. Душа убитого должна передать ему просьбы одрисов.

Сначала люди в черных одеяниях обходили стойбища, созывая сход стуком деревянных колотушек. Хмурые общинники стекались на толковище перед деревенским идолом, а по кибиткам и землянкам начинался вой: бабы не отпускали кормильцев.

Жрецы под звуки свирели и хоровое пение топтали босыми ногами горячие угли. Потом бросались в толпу, заставляя парней тянуть соломины из кулака. Вытянувшего короткую выталкивали в центр толковища, к идолу, чтобы повесить ему на шею венок из пшеничных колосьев.

Избранников вели в Кипселу.

Ни сами жрецы, ни их дети жребий не тянули. Тем более царская семья – Ситалк был верховным жрецом Залмоксиса. Из десяти смертников жрецы потом укажут одного. Выбор – таинство. Но если Ситалк объявит посланником брата, перечить ему никто не станет.

Бледный от унижения Спарадок вернулся в свою комнату. Он понимал: все, что с ним сейчас происходит, это расплата за беспечность. Ох, не надо было уходить за Стримон. Но бизалты опасались мощного соседа – царя Пердикки. В горах Македонии не разгуляешься, не пограбишь, кого там только нет: дерроны, ихны, дионисии... Грызутся, как голодные крысы в пифосе³⁵. Совету старейшин казалось, что на понтийском берегу места хватит всем – и скифам, и грекам, и бизалтам.

Не вышло: скифы не потерпели чужаков. После длительного и кровопролитного противостояния бизалты отступили. Спарадок бежал в Ольвию. Там и попался. Глупо, досадно:

³³ Номарх – глава нома, т. е. округа или провинции в Скифии.

³⁴ Метр – совр. река Дунай.

³⁵ Пифос – большой кувшин для хранения продуктов.

возвращаясь с рыбалки, напоролся на пикет сколотов³⁶, которые караулили своего басилевса³⁷ Скила, частенько сбежавшего из стойбища в город к греческой жене. Один из номархов его узнал.

Дальше был обмен.

Теперь предстоит изгнание; что ж, это лучше, чем смерть. Нужно собираться. Время для решения, куда плыть, у него есть – ночь.

* * *

Всадники пробирались по склону, то и дело поднимая к лицу руку, чтобы защититься от веток. Низкорослые мохнатые кони с трудом преодолевали подъем – фыркали от злости, но слушались ударов пятками. Вдруг один из них повалился на бок, захрипел.

Успевший соскочить воин положил ладонь на загривок тарпана³⁸. Потом резко взмахнул акинаком³⁹. Жеребец дернул задними ногами и замер.

Второй тарпан ошалело покосился, всхрапнул. Пришлось слегка похлопать его по взмыленному боку, чтобы успокоился.

– Слезай, Токсис, – обратился степняк к раненому другу, – приехали. Дальше пойдем пешком, уже недалеко. Пусть конь отдохнет, попасется. Нам еще обратно возвращаться.

Помог ему спуститься на землю, обхватил рукой, а тот обнял его за шею, после чего оба медленно двинулись вверх по косогору.

– Брось меня, Орпата, не жалец я: видишь, сколько крови... Тавры нас найдут, рано или поздно. Это их горы.

Токсис дышал тяжело, сипло, каждое слово давалось ему с трудом.

Орпата настаивал на своем:

– Как сказать... У кого сила, того и горы. А капище все равно наше. Его мой отец ставил. Так что это гора сколотов. И точка!

Впереди показалась священная скала. Черной бездонной щелью зияло чрево Табити. Покрытые бурыми пятнами застарелой крови жертвенные камни окружали идола.

Ветер крепчал, над головой собирались тучи: похоже, вот-вот разразится нешуточная буря – обычное для Таврики⁴⁰ дело в это время года. Но завтра наступит день осеннего равенства – день смерти Колаксия, первого царя сколотов и супруга Великой матери, а значит, он почитит Табити даже под проливным дождем. Потомственный жрец ни при каких обстоятельствах не может пропустить этот праздник.

Уложив Токсиса под деревом, сучья которого унизывали разноцветные кусочки ткани, Орпата приступил к сооружению шалаша. Когда убежище было готово, он затащил друга внутрь.

Стрела вошла под ребра, но, кажется, не задела легкое. Пока Токсис, рыча, грыз обломок ветки, Орпата вспорол рану и вынул наконечник стрелы. Потом накрыл раненого дохой, а сам принялся готовиться к обряду: наломал буковых веток, нарезал тонких полос из коры тамариска.

Разрубив лошадиную ляжку на куски, сложил в мешок и повесил на сук. Лошадь, конечно, – серьезная потеря, но ее смерть решала проблему с жертвенным мясом.

³⁶ Сколоты – по Геродоту самоназвание скифов, которое, возможно, произошло от имени Колаксия, младшего сына первочеловека Таргитая.

³⁷ Басилевс – правитель крупной территории у древних греков, скифов, также верховный правитель у других древних народов.

³⁸ Тарпан – дикая степная лошадь.

³⁹ Акинак – короткий скифский меч.

⁴⁰ Таврика – совр. Крымский полуостров.

Из шалаша донесся стон Токсиса.

«На все ее воля, – подумал Орпата. – Табити великодушна, справедлива, всемогуща. Она любит нас, своих детей...»

Он осторожно расковырял каменистый грунт акинаком, чтобы извлечь из-под идола завернутый в промасленную тряпку арибалл⁴¹. В шалаше выдернул из сосуда пробку, зачерпнул густую мазь пальцами. Вдохнул резковатый, но приятный запах – ядреная! – отец сделал из трав и кореньев.

Намазав другу рану, залепил подорожником.

Вскоре Токсис заснул, задышал ровно.

Ночью разразилась гроза.

Хррр! Снаружи раздался жуткий треск, и в шалаш сквозь ветки ударил яркий свет. Орпата вскочил. На лице Табити играли отблески зарниц, отчего казалось, что она зловеще улыбается. Священная расселина дымилась, а вокруг разливалось розоватое сияние.

Он снова улегся, не спуская глаз с капища. Если богине угодно так проявлять свою мощь – пусть, жреца лишь охватывает благоговение.

На рассвете Орпата приступил к обряду.

Первым делом разжег священный костер возле идола Табити. Вскоре по склону пополз запах жареной конины. Он не боялся, что тавры заметят дым: в таком тумане его не видно. Куски мяса разложил на жертвенных валунах. Затем сунул в огонь буковые прутья. Сделав надрез на ладони, размазал кровь по лицу богини. Поцеловал холодный серый камень.

Пробормотал:

– Прости, что в этот раз без человеческой жертвы. Ты знаешь, мы еле ушли. Но я обещаю вернуться и принести то, что питает твое чрево.

Он уселся на землю. Начал наматывать кору на пальцы, бормоча вполголоса гимны. Сгибал и разгибал полоски, раскладывал их на ладонях, снова наматывал. Потом упал лицом вниз, вытянув руки перед собой.

Наконец, поднялся.

⁴¹ Арибалл – небольшой круглый сосуд для ароматических масел.

Глава 1

*Год архонта Феодора, весна
Афины, Боспор*

1

Первый стратег Перикл возвращался из Мунихия усталым, но довольным. Утром он объехал причалы вместе с пританами⁴²: расспрашивал моряков, осматривал только что спущенные на воду триеры⁴³, заглянул в эмпорий⁴⁴, чтобы проверить качество закупленного для флота зерна.

Потом участвовал в открытии Антестерий – весеннего праздника цветов и винных застолий в честь Диониса. Лично возложил венок к вырубленному в скалах алтарю божества и вышиб пробку из бочки с ритуальным вином.

После освящения кораблей, конкурса хорегов в театре, а также совместной трапезы со жрецами и знатью, заметно отяжелевший политик отправился домой. Лишь пообещал эпимелетам⁴⁵ прислать горшки с вареными овощами для жертвоприношения Гермесу в последний день торжеств – день памяти мертвых.

Перикл считал, что пожилому человеку не место среди ряженных на массовой ночной пьянке. Прошли те времена, когда он не вылезал с дружеских пирушек. Теперь ему были милее тихие вечера наедине с молодой женой – милетянкой Аспасией.

Он представил себе: оба сидят в саду, слушая соловья, она обнимает его за плечи, ее ладонь в его ладони, ноги приятно обдувает теплый воздух жаровни – и улыбнулся.

«А как она читает Гомера! Ммм...»

Чтобы сократить путь, Первый стратег решил скакать вдоль Фалерской стены. Он не заглядывал на пустошь уже лет пять. Делать здесь, в общем-то, нечего. Земля за рекой Кефис арендуется владельцами эргастериев⁴⁶, поэтому среди вонючих куч из раковин морских моллюсков и выкопанных гончарами глубоких глиняных ям не так-то просто проехать.

Стена явно видала виды: кое-где кирпичи раскрошились, обнажив прорехи, по осыпям карабкались кусты красного вереска. Над заваленной черепками и глиняной крошкой землей стелилась дымка – ремесленники жгли мусор.

Впереди послышались крики: похоже, шумела разгоряченная толпа. Перикл послал вестового узнать, в чем дело.

Вернувшись, тот доложил:

– Будет драка. Перед праздниками стража Пирея прочесала Мунихий и поймала десяток беглых рабов. Эпимелеты разрешили продать их делосским работникам, а те, недолго думая, устроили бои без правил.

– Да? – Перикл удивился. – Едем туда, надо посмотреть.

Отряд направился сквозь едкий дым за вестовым. Возле окруженного людьми загона для овец гарью пахло меньше. Горожане бесновались в предвкушении бойни: орали, толкались, потрясали кулаками. После взаимных оскорблений вспыхивали пьяные потасовки, но делосцы умело разнимали драчунов.

⁴² Пританы – члены одного из десяти комитетов афинского Совета пятисот, решающих поочередно в течение года текущие государственные вопросы.

⁴³ Триера – лат. трирема, боевой трехрядный весельный корабль.

⁴⁴ Эмпорий – торговый склад.

⁴⁵ Эпимелет – надзиратель за гаванью.

⁴⁶ Эргастерий – мастерская, в которой трудились рабы.

Для высокого гостя освободили место, притащили климос⁴⁷ и скамеечку для ног. Перикл, правда, поморщился – придется сидеть в кресле, как какой-нибудь старухе. Но ничего не сказал: делосцев и эллинами-то не назовешь, так, всякий сброд – чего перед ними стесняться. Пританы окружили Первого стратега: каждый внимательно смотрел по сторонам, держа руку на навершии меча.

Тонко запела флейта, после чего пираты вытолкали из овчарни участников схватки, на которых из одежды были лишь грязные набедренные повязки. Шею каждого сжимала колодка. Тяжелая корабельная цепь свисала до земли.

Первым шел заросший бородой гигант. Весь покрытый шерстью, как обезьяна. Судя по курчавым волосам и горбтому носу – военнопленный колх. Он рычал, бросая на зрителей свирепые взгляды: казалось, сними с него оковы – начнет рвать окружающих голыми руками.

Толпа встретила появление рабов свистом и улюлюканьем. Маклеры начали принимать ставки. Цепь со звоном упала в пыль. Бойцы сгруппировались на вытоптанной площадке, потирая шеи, озираясь. Внезапно колх со всего плеча махнул рукой, и стоявший рядом с ним человек упал как подкошенный.

Моряк из-за ограждения ткнул гиганта древком копья в спину, чтобы отвлечь. Тот обернулся, схватился за жерди ограждения, затряс. Забор заходил ходуном, но опорные столбы выдержали. Толпа скандировала: «Колх! Колх!»

Рабы тянули время, драться им явно не хотелось. Тогда делосцы с бранью пустили в ход копья. Несчастные старались увернуться, зверея от боли и крови.

Первым драку начал гигант. Схватив еще одного соседа за плечи, ударил лбом в лицо. Тот рухнул на землю. Остальные отшатнулись. В загон ворвался моряк с топором. Отрубив валявшемуся в грязи рабу голову, он схватил ее за волосы и поднял над собой.

По толпе прокатился вопль восторга. И вот тогда началось! Рабы пинали друг друга ногами, ломали пальцы, душили.

Вот самосец повалил спартанца на землю, выворачивает руку. Тот орет, старается вырваться.

Македонянин бьет лежащего мегарца кулаком по лицу, превращая его в кровавое месиво.

Кариец засунул эгинцу в рот пальцы и рванул так, что тот потерял сознание от боли. Победитель с воплями скачет у него на груди.

Когда всеобщая свалка закончилась, загон был завален телами. Одни бойцы лежали без движения, другие пытались отползти к краю площадки. Только двое продолжали драться.

Худощавый жилистый раб с фракийским чубом уворачивался от колха. Вот он поднырнул сопернику под руку, запрыгнул сзади, обхватил ногами и начал пальцами давить на глаза. Взвыв, гигант повалился на спину. От удара о землю фракиец вроде бы замер, но, только колх начал подниматься, обвинил его словно лиана. Тот закричал, почувствовав, как зубы соперника впились в шею. Рывок головы, еще один – и из разорванной артерии ударила ярко-алая струя.

Колх закатил зрачки, по телу прошла судорога. Он затих.

Фракиец встал: страшный, перепачканный грязью и овечьим пометом, рот в крови – словно не знающий жалости вампир ночи Эмпус.

К нему подбежал моряк.

– Сука! Зачем ты его убил? Только я решаю, кому из вас жить, а кому – нет!

Он замахнулся плетью. Удар ожег плечо. Обессиленный фракиец упал на колени, закрылся рукой.

Делосец продолжал орать:

– Ты должен мне сто драхм! Денег нет – пятьдесят ударов плетью! Тварь!

Внезапно кто-то схватил делосца за кисть.

⁴⁷ Климос – стул со спинкой и изогнутыми задними ножками.

«Что за...» – моряк резко обернулся на наглеца, но, узнав Перикла, закрыл рот.

Первый стратег не отпускал руку.

– Ударись еще раз – и отправишься в тюрьму. Покажи разрешение демарха⁴⁸ на проведение боев. Нет? И налог не уплачен?

Заметив, что ярость в глазах работоторговца сменилась страхом, Перикл отпустил его.

Приговор прозвучал жестко:

– Значит, так... Пританы проверяют купчую. Если она в порядке, рабов можешь забрать. Если нет – сам получишь плетей. Сколько ты заплатил за этого?

Кивком головы он показал на фракийца.

– Сотню.

Перикл подозвал вестового.

– Выдай ему сто драхм. И возьми расписку.

Пританы оцепили загон. Зрители решили, что лучше убраться, пока целы, так что вскоре на пустыре не осталось никого, кроме делосцев и афинян. Под ногами хрустела ореховая скорлупа вперемешку с яичной. Валялись несколько пустых тыкв-горлянок, мятые виноградные листья, в которые были завернуты какие-то объедки. Одиноко лежал брошенный сандалий с оборванным ремешком.

Забрав рабов, делосцы убралась в сторону Пирея. После того как Перикл снова опустился на климос, пританы подвели к нему фракийца.

– Как тебя зовут?

– Спарадок, сын Тереса.

Пританы зашумели – имя царя одрисов знали многие.

Перикл не мог скрыть удивления:

– Ты парадинаст⁴⁹ одрисов?

Фракиец мрачно усмехнулся.

– Громко сказано! Вождь бизалтов. Бывший...

– Ты брат Ситалка.

– Ну и что? Терес не захотел делить царство между нами. Ситалк меня обскакал.

Перикл развел руками.

– Ты – и раб?

Уставившись на фракийца, властно приказал:

– Рассказывай!

Спарадок закусил губу.

– Плыл в Афины, но в Миртойском море попал в шторм. Корабль потерпел крушение... Выжили несколько человек. Неделю мы сидели на голой куче камней, пока нас не сняли фасосские пираты. Они не стали разбираться, кто мы и откуда, – продали перекупщикам рабов, те отвезли нас на Хиос. Потом меня купил хозяин афинского эргастерия... Я бежал. Укрылся в Пирее, хотел пробраться на корабль, который плывет в Византий или Гераклею. Дальше вы знаете...

– Почему ты покинул Фракию?

– Долгая история.

– Ничего, у меня есть время, – Перикл недовольно дернул головой.

– Тогда начну сначала... Отец передал корону мне, но Ситалк с этим не смирился и устроил переворот. Я решил, что не буду проливать кровь одрисов. Мы заключили мир. Он отправил меня на Стримон к бизалтам, нашим союзникам... Теперь мы с ним снова враги.

– Причина?

⁴⁸ Демарх – управляющий демом, самой мелкой административной единицей в Древней Аттике.

⁴⁹ Парадинаст – соправитель.

– Ситалк не простил мне чеканку монет, решил, что я готовлю восстание... Это моя ошибка.

– А ты готовил?

На скулах Спарадока заиграли желваки.

– Сейчас это неважно.

Перикл поскреб щеку.

– В общем, так... То, что ты брат Ситалка, у тебя на лбу не написано. Я подумаю, как это проверить. Жить будешь в эргастуле⁵⁰. Тебя будут хорошо кормить и выпускать на свежий воздух. Но если соврал – берегись...

День спустя из десяти городских ворот во все стороны разбежались скороходы. До конца месяца антестериона по дорогам Аттики к Афинам тянулись фракийцы – метеки⁵¹, рабы, вольноотпущенники.

Демархи получили приказ без проволочек направлять всех фракийских мужчин, записанных в реестр, в афинский булевтерий⁵², выдав каждому дорожное пособие.

Перикл решил не посылать гонцов на Кикладские острова и к берегам Ионии – время дорого...

2

Наступил элафеболион⁵³.

Когда Перикл вошел в зал заседаний булевтерия, фракийцы поднялись с мест.

– Вы меня знаете?

– Знаем! Знаем! – зашумели делегаты.

Гул голосов отражался от стен из паросского мрамора.

– У меня к вам нет претензий, – гремел с подиума Перикл. – Ваша судьба в руках демархов. Тех, кто честно трудится и платит подати, мы уважаем, им открыт путь в наше общество. Среди вас есть рабы, но таков закон: вы пошли на нас с оружием в руках и теперь за это наказаны. Но я собрал вас не для того, чтобы рассказывать то, что всем и так известно. Посмотрите внимательно на этого человека и скажите, кто он.

На подиум вышел чубатый мужчина.

Зал ахнул:

– Спарадок!

И вдруг начал скандировать:

– Залмоксис! Залмоксис!

Перикл сначала растерялся, но потом вспомнил, что это имя верховного божества фракийцев. Кажется, они называют его богом медведей. Варвары подтверждали, что назначение Спарадока царем одрисов благословил сам Залмоксис.

Внезапно Спарадок поднял руку. Зал затих. Одрис начал говорить по-фракийски. Пританы двинулись к нему, чтобы увести с подиума, но Перикл показал жестом: пусть говорит.

Речь оратора была короткой – всего несколько фраз. Когда он закончил, фракийцы вскинули сжатые кулаки и заревели – словно титаны из Тартара. Пританы не выдержали – выскочили на подиум с обнаженными мечами, окружили Перикла.

Спарадок наслаждался триумфом. Он не переставал улыбаться, даже когда пританы выводили его из булевтерия...

⁵⁰ Эргастул – частная тюрьма для рабов.

⁵¹ Метек – иностранец, являющийся свободным человеком, но не обладающий правами гражданина.

⁵² Булевтерий – место заседания Совета пятисот (буле) в Афинах.

⁵³ Элафеболион – апрель – май.

Вечером одрис ужинал в доме Первого стратега. Вилла располагалась на склоне холма Нимф, вдали от суеты эргастериев Мелиты. Когда сюда долетали порывы восточного ветра, со стороны улицы Изготовителей герм⁵⁴ слышался стук молотков и ослиный рев. С вершины Акрополя на агору⁵⁵ взирала бронзовая Афина Воительница.

Хозяин и гость возлежали в тени портика на кипарисовых клинэ⁵⁶. Домашний алтарь Зевса Геркея во дворе отсвечивал позолотой. В нишах оштукатуренных стен, под карнизом из лесбийских сердечек притаились фигурки олимпийцев.

– Что ты им сказал? – спросил Перикл, когда оба, совершив тройное возлияние, приступили к трапезе. – Я такой рев слышал только в Девяти путях⁵⁷ лет сорок назад. Я как раз окончил академию, стал эфебом⁵⁸, и меня отправили на границу с Фракией. Вот под стенами крепости и наслушался.

– Пообещал, что однажды вернусь в Кипселу.

Первый стратег усмехнулся.

– Ты в это веришь?

– Я верю в Залмоксиса. Все в его руках.

Перикл пристально посмотрел на гостя.

– Насчет Залмоксиса не знаю, а вот у меня на тебя есть виды. Хочу сделать тебя Первым архонтом Пантикапея.

– Боспор? – удивился Спарадок.

Перикл кивнул. Одрис не знал, что сказать.

Все-таки спросил:

– Почему я?

Пришлось начать издалика.

– Видишь ли... Жизнеобеспечением государства занимается Коллегия стратегов. Дел хватает: набор рекрутов, назначение триерархов⁵⁹, участие в военных судах, инспекция гаваней... Подвоз хлеба в Афины и снабжение армии и флота – тоже их задача. Забот по горло! Никто из них не рвется в варварские земли: у каждого семья, дети, виноградники, оливковые рощи... Сам понимаешь – мало кто готов бросить обустроенный быт в Афинах, чтобы начать жизнь заново на Боспоре... Я могу приказать, но это значит – нажить врага себе и Афинам. Высылая человека в колонию против его воли, ты обрубаешь его корни. Такой человек меняется, но ты узнаешь об этом слишком поздно – когда он начинает платить дань врагам, а корабли под чужим вымпелом чувствуют себя в гавани города как дома.

Собеседник слушал без интереса, и Первый стратег это заметил. Он знаком приказал виночерпию налить вина в ритон. Выпив, продолжил, но сменил тон. Теперь его слова звучали жестко.

– Ты – моя собственность. Мы оба понимаем, что, как раб, ты обречен на жалкое существование. Особенно после побега. К тому времени, когда ты заработаешь денег на выкуп... если я еще на него соглашусь... тебе будет уже не до царских амбиций. Я предлагаю достойную жизнь. Более того – почет и богатство. Разумеется, простой раб никогда бы не взлетел до таких высот. Но ты – сын Тереса. Так что соглашайся.

Спарадок молчал.

Поняв, что запугать фракийца не получится, Перикл заговорил мягче:

⁵⁴ Герма – верстовой столб.

⁵⁵ Агора – центральная площадь полиса, где собирались граждане для решения вопросов управления.

⁵⁶ Клинэ – деревянная скамья или ложе со спинкой.

⁵⁷ Девять путей – Эннеа-Годой, Амфиполь, древнегреческая крепость в устье реки Стримон (совр. река Струма), совр. город Амфиполис.

⁵⁸ Эфеб – юноша, достигший совершеннолетия, т. е. восемнадцати лет.

⁵⁹ Триерарх – спонсор и командир военного корабля.

– Я мало кому доверяю в Совете пятисот, слишком много там осталось соратников Кимона. Я видел тебя в деле, оценил твою мертвую хватку. Именно такой человек нужен мне в Пантикапее. Я знаю, ты не забудешь, из какой грязи я тебя вытащил, поэтому будешь мне верен. Так?

Одрис кивнул.

– Ну? – Первый стратег закипал яростью.

Он снова готовился угрожать. Что этот раб возомнил о себе? Все еще надеется вернуть трон одрисов. Пустое дело! Какие еще доводы ему нужны? Придется выложить последний аргумент, неожиданный и веский.

Перикл справился с собой. Сел на ложе, уперев руки в колени.

– Кстати, у тебя ведь есть сын – Севт.

– Я смотрю, ты обо мне все знаешь, – усмехнулся Спарадок.

– Собрал, что смог, – Первый стратег улыбнулся одними губами. – Должность обязывает.

– Тогда ты знаешь, где он.

– Конечно – у бизалтов. Почему они не выдали его Ситалку?

– Потому что я любил их, а они – меня.

– Как считаешь, – Перикл заговорил вкрадчиво, – Севт достоин стать царем одрисов? Лично я думаю, что – да. У Афин хватит денег, чтобы помочь ему в этом. Почему бы, например, Совету пятисот не пригласить на переговоры вождей тех племен, которые платят дань одрисам? Меландины, тринипсы и тины с берегов Понта, треры и трибаллы из долины Метра с удвоенной яростью будут бороться против наместников Ситалка, услышав звон афинского золота.

В глазах Спарадока впервые за весь разговор зажегся огонек интереса. Далекий Боспор казался ему краем земли, жалким и убогим местом, куда уползают несбывшиеся надежды, чтобы тихо растаять под холодным северным солнцем. Но после этих слов... Неужели сбудется самая сладкая мечта – о том, чтобы его потомки правили Фракией?

– Ты хочешь услышать ответ? – тихо спросил он.

– Да.

– Клянусь Залмоксисом, я – твой должник, и ты не пожалеешь о сделанном выборе.

– Отлично! – Первый стратег довольно улыбнулся. – Не знаю, как Залмоксис, но Зевс меня услышал.

После этого Перикл углубился в технические детали:

– Получишь вольную. Припишем тебя к моему дему, так я смогу выступить в качестве поручителя... Побудешь какое-то время метеком, а на первом же сходе Народного собрания сделаем тебя полноправным гражданином Афин. Это противоречит моему же закону, но я сумею объяснить Коллегии девяти архонтов, что речь идет о благополучии страны. Да и жалование из казны тебе – как клеруху⁶⁰ – платить не надо... На заседании пританов предложу твою кандидатуру в качестве Первого архонта Пантикапея. У меня будет железный аргумент: ты долго жил в Ольвии. Царская кровь – это важно, чтобы Совет Ареопага не фыркал. Землю для ценза тебе отрежут в самой колонии... И Совет пятисот, и Народное собрание согласятся с мнением архонтов. О том, чтобы собрать кворум, я позабочусь. В конце концов, поставки зерна имеют прямое отношение к безопасности государства, а за нее отвечаю именно я. Ну да, пока никаких заслуг перед Афинами у тебя нет... Как, впрочем, и у посла Фракии Садока, сына Ситалка, но это не помешало ему получить афинское гражданство.

– Как он?

– Никак! Деньги отца пропил... Я выбил ему пенсию – четыре обола в день. Этого достаточно для скромной жизни в Афинах, столько архонт зарабатывает. Еще он сдает единствен-

⁶⁰ Клерух – житель колонии-клерухии, который сохранял права афинского гражданина, но пользовался участком земли – клером – на правах арендатора.

ного раба внаем – за пару оболов. И все спускает в дешевых диктерионах⁶¹. Иногда еле доплетется на Пникский холм. Но Ситалк – наш союзник, а Садок – гражданин Афин, поэтому мы терпим... Может, он еще пригодится, если бросит пить.

Перикл снова подозвал виночерпия.

Отхлебнув вина, заметил:

– Да, еще важный момент. У тебя акцент, это ладно, боспорские греки сами говорят на ионийском диалекте. Даже в Элладе разговаривают на четырех диалектах. Но имя... С таким именем останешься в их глазах метеком. Пусть будет...

Он задумался.

– Спартук! Не аристократическое, но лучше, чем твое фракийское... Устраивает?

Одрис кивнул. Грек довольно потянулся к нему ритонном.

– Ну, что! Поздравляю с началом новой жизни.

По галерее разнесся звон металла.

Солнце тонуло в Сароническом заливе. Пламенеющий над Пиреем багровый закат измазал паруса кораблей кровью. Тень напознала из-за холма Нимф, накрывая вороновым крылом Ареопаг, агору и уже дотягиваясь до надгробий Керамика. Афина Воительница над стеной Акрополя медленно прикрывала веки.

Город готовился к ночи.

3

Раздвинув тяжелую портьеру, Первый архонт Феодор выскочил из парилки. Вместе с ним в зал ворвались клубы горячего влажного воздуха.

– Ты меня пересидел, – с блаженной улыбкой проговорил Перикл.

– Стареешь, стратег, – засмеялся Феодор, плюхнувшись на застеленную овечьей шкурой скамью.

– Да ладно, можно подумать, ты у нас эфеб... С брюшком!

Оба расхохотались.

Ткань снова раздвинулась – в зал скользнул тонкий юноша, обнаженный и розовый от пара. Бросив на Феодора смущенный взгляд, заторопился в кладовую. Первый архонт зажмурился – не то от усталости, не то вспомнив что-то приятное. Затем до хруста потянулся и стал внимательно разглядывать закуски на трапедзе⁶².

Довольно заявил:

– Твоя парилка – это что-то! Особенно мне понравилось, когда ты плеснул пива. Кто тебя этому научил?

– Скифы. Ну, ты знаешь... Конники, которые следят за порядком на улицах. Они в парилке так иной раз чудят. Прости меня, Гестия, Дева непорочная и благостная... Представляешь, стебли конопли бросают прямо на раскаленные камни. От них пар валит, а дух такой... пряный, с кислинкой, закачаешься. Скифы орут, прыгают, в глазах безумная радость... Нет, лучше этого не видеть.

– Очень уж ты все правдоподобно описываешь, – заулыбался Феодор. – Скажи прямо: грешен, балуюсь.

Перикл усмехнулся.

– Балуюсь! Но не грешен... Такие процедуры усталость после дебатов в Совете снимают лучше, чем хиосское.

Оба выпили, закусили оливками и свежее испеченным, еще теплым белым хлебом с коричневой хрустящей корочкой.

⁶¹ Диктерион – публичный дом, где работали диктериады – проститутки.

⁶² Трапедза – стол для угощения.

– Давай о деле поговорим, – Первый стратег посерьезнел. – Я хочу провести через Коллегию архонтов одного человека. Мне нужна твоя помощь.

Феодор прихлебывал холодное вино. Набирал по чуть-чуть в рот, перекачивал между щеками, глотал, причмокивая. Наслаждался. Казалось, в этот момент его не интересует ничего, кроме вкуса и аромата выдержанного виноградного напитка.

– Ты знаешь, – вдруг заметил он, – а мне нравится пить по-скифски, неразбавленное.

Перикл молчал.

– Какого? – наконец, спросил Феодор.

– Спарадока, сына Тереса.

Первый архонт удивленно вскинул брови.

– Он жив? Говорили, что его корабль потерпел крушение по пути в Афины. Где-то возле Фасоса... Зачем он тебе?

– Боспор. Там пора навести порядок. Кизик начал задира́ть цену на зерно. Ты знаешь: стоит опту в Пирее подняться на халк⁶³, как в Афинах розница подскакивает на обол. Сделаю его Первым архонтом Пантикапея.

– Подожди... – Феодору показалось, что он ослышался. – Я правильно понял? Посадить во главе полиса своего человека без всяких выборов?

Перикл фыркнул:

– А как Кизик посадил Гилона пресбевтом⁶⁴ в Нимфее без всяких выборов? Боспор не Афины, там правит сила.

Феодор с сомнением покачал головой, потом спросил:

– И что нужно?

– Афинское гражданство. Я выкупил его из рабства – теперь он метек.

Феодор изобразил на лице недоумение.

– Метека? Фета⁶⁵? Со времен Солона феты на занимают в Афинах должностей. Так он еще и метек!

Перикл терпеливо поправил собеседника:

– Речь не об Афинах, а о Боспоре. Любого боспорянина поскобли – так он хорошо если только наполовину метек. Но афинское гражданство – обязательно! Что касается ценза, то архонты Пантикапея выделяют ему приличный надел. Имея собственную землю, он быстро разбогатеет на поставках пшеницы.

Феодор хитро посмотрел на собеседника.

– Выделят?

– А куда они денутся. Я их хорошо попрошу, используя аргумент Фемистокла – триеры, набитые гоплитами⁶⁶.

Оба рассмеялись.

Первый стратег ждал ответа.

– Ну, не знаю, – процедил Феодор и плотно сжал губы.

Сделал вид, будто думает.

Тут все ясно: без его согласия архонты не пропустят на Совет пятисот бесперспективного кандидата, так что можно смело поднимать ставки в игре.

– Коллегия будет выглядеть глупо, если нарушит закон о гражданстве, – твердо сказал он. – Исключение может быть сделано только при особых заслугах кандидата перед Советом и народом. У Спарадока их нет. Прости, но эта просьба невыполнима.

⁶³ Халк – одна драхма равнялась шести оболам, один обол – восьми халкам, один халк – двум лептам.

⁶⁴ Пресбевт – царский наместник.

⁶⁵ Феты – беднейшее сословие афинских граждан.

⁶⁶ Гоплит – древнегреческий пехотинец.

Перикл нахмурился. Он ждал отказа, поэтому приготовил ответный ход. Можно, конечно, повоевать с Коллегией, но на это уйдут время и деньги, так что лучше всего ударить интригана в слабое место – сейчас, наверняка.

Глядя в упор на Феодора, сказал тихо, но веско:

– Ты у меня не первый раз. Тебе здесь нравится. И баня, и вино, и... банщики. Особенно один – Гермотим. Ты знаешь, мне он тоже нравится, потому что мягкий, услужливый, внимательный... Как женщина. Но тебе он нравится еще больше. А ты ему. Поэтому он не раз бегал к тебе по ночам. Я закрывал на это глаза. До поры...

Он хлопнул в ладоши.

Двое крепких парней ввели в зал тонкого юношу. Тот бросал испуганные взгляды то на хозяина, то на гостя. Перикл кивнул в сторону парилки.

Феодор напрягся, его лицо приняло хищное выражение.

Зло посмотрев на Перикла, процедил:

– Ты его не тронешь.

– Еще как трону. Это мой раб.

Когда за слугами закрылась портьера, Феодор обмяк и побледнел.

А когда послышался визг юноши, ненависть на его лице сменилась страхом.

– Хватит!

– Как скажешь, – усмехнулся Первый стратег. – Теперь я вижу, что мы понимаем друг друга.

– Отведите его в эргастул, – приказал он высунувшемуся из-за портьеры рабу.

Слуги проволокли мимо Феодора потерявшего сознание Гермотима, у которого тыльная сторона кисти представляла собой бордовое месиво.

Перикл приказал виночерпию наполнить ритоны.

– Предлагаю выпить, – с деланным добродушием обратился он к гостю. – Мы все-таки друзья.

Феодор справился с собой, принял обычный уверенный вид.

– Давай как-нибудь к скифам в казарму сходим вместе. А? – он подмигнул Периклу. Потом добавил: – И у меня к тебе просьба. Уступи мне Гермотима. Он прекрасный банщик. По рукам?

Первый стратег довольно улыбнулся...

В середине элафеболеона, когда отгремели Великие Дионисии, лучшие граждане Афин – слегка потрепанные, с красными лицами – собрались на заседание Совета пятисот. Черноголовые и чернобородые, в белоснежных гиматиях, они облепили каменные ярусы булевтерия, словно каспийские чайки – береговые скалы.

Некоторые сидели на скамьях ровно, другие полулежали, не в силах побороть похмельную слабость.

Перикл держал речь.

– Двадцать лет назад Афины вмешались в восстание египтян против персов. Мы послали флот, но персы потопили его в дельте Нила, спаслась лишь незначительная часть войска... Египет перестал быть житницей Аттики. Так что из этого следует? Афины уже не те? Нет! Наше положение прочнее прежнего. Многие из вас помнят, как афинская эскадра громила войска Наксоса, Фасоса и Эвбеи. А Самос? Мятежники принесли клятву верности Афинам после того, как я срыл крепостные стены. Мирные договоры с Персией и Спартой развязали нам руки. Мы основали Брею на Халкидике, заселили колонистами Амис в Каппадокии и Неаполь на Пропонтиде...

Первый стратег сделал эффектную паузу, нахмурился, его голос загрохотал с новой силой:

– Но надолго ли это затишье? Коринф выпускает когти, надеясь на помощь Спарты. Пелопоннесский союз⁶⁷ представляет серьезную угрозу Афинам. Пришло время обратить взор на север – там, за Понтом, лежит земля, плодородная, как чрево Деметры. В течение двух столетий туда уходили сыны Эллады за лучшей долей. Благодаря Боспору мы не знаем недостатка в кожах, шерсти и соленой рыбе. Так вот, он способен заменить Египет и Сицилию в поставках зерна. Ни Спарта, ни Коринф, ни Эгина в Понт Эвксинский не сунутся, пока Геллеспонт наш. А значит, пришло время включить ионийские колонии в Делосскую симмахию⁶⁸. Сова распустит над варварскими землями крылья, чтобы укрепить морское могущество державы. И тогда пшеница и ячмень Боспора потекут к нам, как из рога Амалфеи.

Кто-то выкрикнул:

– Сколько с квадратного плетра?⁶⁹

– Тридцать хусов!⁷⁰ – отчеканил Перикл.

По залу пронесся ропот одобрения: не Сицилия, конечно, но тоже впечатляет.

Первый стратег продолжил:

– Прошу назначить комиссию из десяти человек для снаряжения флота на Боспор. Также прошу помощи демархов в наборе экипажей. Все желающие смогут остаться эпойками⁷¹ в Нимфее или Пантикапее. Требуются лучшие из лучших – ведь и ставка высока: господство в акватории Понта, которое сулит Афинам огромные доходы. И это еще не все... Часть эскадры во главе с Гагноном должна отбить Девять путей у фракийцев. Другая часть под командованием Ламаха двинется к Синопе, чтобы наказать зарвавшегося тирана Тимесилея. Когда власть снова перейдет к архонтам, отправим туда клерухов.

Он замолчал, прислушиваясь к чьему-то голосу, переспросил:

– Что нам нужно в Синопе? Известно что: черепица, строевой лес, рыба, сталь.

Раздались разрозненные голоса:

– Согласны!

– Не впервой!

– Кто командир?

Перикл прочистил горло.

– Стратегом поплыву я. Но потом вернусь в Афины. Первым архонтом в Пантикапее останется Спарадок, сын басилевса одрисов Тереса.

Раздался недоуменный выкрик:

– Фракиец?

С места поднялся Феодор.

– Коллегия рекомендует Совету дать Спарадоку гражданство ввиду того, что он назначается Первым архонтом в Пантикапее. Кто не знает, скажу: одрис долго жил в Ольвии и прекрасно понимает политическую обстановку на Боспоре. Лучше, чем он, не найти! Да, мы нарушим закон. Но закон – это мы. Мы решаем, что хорошо для Афин, а что – нет. Боспор – это зерно. Мы же не хотим, чтобы зерновозы плыли в Ионию, а не к нам? Придется снова посылать туда эскадры, погибнут граждане. Давайте сделаем гражданином одного, чтобы сохранить жизнь сотням других. Совет пятисот – это рупор Народного собрания, и если в этом зале принимается решение, то только на благо Афин. Народ нас поддержит!

Зал взорвался аплодисментами.

⁶⁷ Пелопоннесский союз – объединение древнегреческих полисов Пелопоннеса во главе со Спартой в VI в. до н. э.

⁶⁸ Делосская симмахия – Первый афинский морской союз, военный федеративный союз, созданный в V в. до н. э. с целью борьбы с персами.

⁶⁹ Плетр квадратный – древнегреческая мера площади, около девятисот пятидесяти кв. метров.

⁷⁰ Хус – древнегреческая мера веса сыпучих тел, около трех литров.

⁷¹ Эпойк – переселенец, который получал гражданство колонии и землю, но при этом был обязан защищать интересы метрополии с оружием в руках.

– Да!

– Согласны!

Феодор с Периклом переглянулись...

На закате опоясывающую агору веревку сняли, ворота общественных зданий, алтарей, храмов были заперты на ключ, после чего от трех холмов – Муз, Нимф и Пникса – во все стороны потянулись ручейки служилого люда. Курчавые мраморные головы строго взирали с герм времен Клисфена и Кимона на бредущих по пыльным улочкам жрецов, магистратов, писарей...

Слившись на Панафинейской дороге в многолюдный поток, горожане направлялись к Священным воротам, за которыми многих ждали двуколки, чтобы развезти по демам. Усталые, но довольные члены Совета обсуждали блестящую речь Первого стратега.

На следующий день камнерезы вкопали перед Пропилеями Акрополя столб с надписью о декрете Перикла снарядить экспедицию на Боспор и принести быка в жертву Аполлону Архагету, покровителю колонизаторов, которая заканчивалась пожеланием: «Счастливой судьбы!»

4

Эскадра Перикла продвигалась вдоль Халкидики. Слева по борту тянулся скалистый и неприветливый берег мыса Нимфейон.

Триеры выстроились в кильватерные колонны, стараясь не отрываться от тихоходных пентеконтер⁷² и тяжелых грузовых гиппосов⁷³. На этот раз охрана торговых лембов⁷⁴, которые изо всех сил попевали за боевыми кораблями, в задачу моряков не входила. Но пираты при виде афинских вымпелов вытаскивали лодки на берег и бежали в горы, поэтому за купцов можно было не опасаться.

Флагман шел во главе эскадры, вспарывая тараном волны. Вестовой весь день не слезал с марса. Первый стратег лично руководил маневром – место опасное, пятьдесят пять лет назад здесь во время бури разбился флот персидского наварха⁷⁵ Мардония. Двадцать тысяч гребцов и солдат пошли на корм рыбам.

Сейчас триерам ничто не угрожало.

Море тихо колыхалось за бортом, швыряя брызги не выше планшира, так что оба кормчих обходились без положенного на вахте бурнуса из бобровых шкур. От обитой красной медью лошадиной головы разбегались буруны. Черные глаза корабля смотрели с лоснящихся от смазки скул за горизонт.

Матросы драили все, что может блестеть.

Эпибаты⁷⁶ изнывали от безделья и жажды на палубных досках. Воины сидели, разделившись на лохи⁷⁷, так же, как шли бы в атаку при высадке. Каждому подразделению полагалась гидрия с пресной водой, но оба лохага словно сговорились – спали, накрывшись плащами. А как пить без команды?

Распущенный прямоугольный парус то вяло обвисал, то с хлопаньем выгибался под порывами северо-западного скирона, при этом промасленные канаты натягивались так, что казалось: тронь – и они зазвенят. Огромная афинская сова удивленно таращилась на морской простор с холстины, повернув голову набок.

⁷² Пентеконтера – пятидесятивесельное однорядное или двухрядное парусно-гребное судно.

⁷³ Гиппос – гиппа, гиппогагос, средиземноморский широкий грузовой корабль с палубой, на котором в основном перевозили лошадей.

⁷⁴ Лемб – древнегреческое одномачтовое торговое судно.

⁷⁵ Наварх – адмирал.

⁷⁶ Эпибаты – морские пехотинцы.

⁷⁷ Лох – подразделение фаланги или самостоятельный боевой отряд, которым управлял лохаг; автор выбрал средний размер лоха – двадцать пять эпибатов.

Еще в Сароническом заливе, как только триера миновала остров Эгина, команда втащила весла внутрь и привязала ремнями к шпангоутам, после чего затянула весельные порты пластырями.

Наступило время трюмной работы: одни гребцы смазывали жиром кожаные рукава, другие ремонтировали уключины, третьи в тесноте, натываясь друг на друга, вычерпывали застоявшуюся воду мехами, передавая их наверх. Гребцы верхнего яруса, набранные из портовых грузчиков, самые сильные и выносливые в команде, выплескивали теплую вонючую жижу за борт. Келейст⁷⁸ орал как умалишенный, угрожая лишить лентяев положенной драхмы за дневную работу...

К вечеру эскадра вышла в Стримонский залив.

Под завитком форштевня на флагманском корабле укрылся шатер из обтянутых кожей жердей, где вела беседу группа офицеров. Сидели на дифросах⁷⁹.

Двое матросов, отбив острое дно амфоры, осторожно вылили содержимое через цедилку в большой кратер. Перикл отпустил слуг: ничего, сами будем наливать, лишние уши нам ни к чему.

Сначала каждый плеснул вина в море, чтобы умиловить Посейдона. Пили хиосское из простых керамических котил⁸⁰, по-походному. И как настоящие моряки – неразбавленное.

Перикл предложил тост за назначение Спартока главой Пантикапея.

Выпив, обратился к одрису:

– Первый шаг сделан! Но должен тебе сказать, что за власть на Боспоре еще придется побороться. Кизик так просто ее не отдаст. Мы не знаем, в каких отношениях Кизик с номархом скифов Октамасадом, поэтому сразу на Пантикапей идти нельзя. Если они союзники, нам объединенную армию наскоком не одолеть. Сначала возьмем Нимфей, выждем: может быть, удастся привлечь Октамасада на свою сторону. Скифам выгодней собирать дань, чем воевать. Да и вообще... торговать выгодно всем – и грекам, и скифам.

Кивнув в знак согласия, Спарток заметил:

– Нужно разобраться с таврами и синдами.

– Да, – подтвердил Перикл. – Тавры злые, но их мало. Боспор им не по зубам, зато кусать исподтишка они умеют... Синды не могут сами возить зерно в Афины, так что пока подчиняются Пантикапею. Но это равновесие хрупкое – как только они найдут другой рынок сбыта, сразу перестанут быть друзьями... Смотри, чтобы коринфяне их не перекупили.

Он испытующе посмотрел на одриса.

– Справишься?

– Раньше надо было спрашивать, – усмехнулся Спарток, но, заметив во взгляде Первого стратега тревогу, успокоил. – Не сомневайся! Зря я, что ли, получил афинское гражданство? Есть на кого равняться: на тебя... на Писистрата, в конце концов.

– Если позволишь, дам тебе совет, – мягко заметил Перикл. – Не старайся во всем походить на Писистрата. Боспор не Афины, там такой клубок противоречий, что Совету пятисот и не снился. Тирания годится до поры до времени, пока ты не построил механизм государственной власти. Потом лучше ослабить хватку, чтобы народ мог дышать... Давай крестьянам ссуды, не затягивай петлю на шее должников, уважай права бедных. К примеру, афиняне чтут Солона за отмену Драконтовых законов, снятие долгового бремени с бедных и ограничение земельных владений в одних руках... Другое дело, что не каждый магистрат способен чувствовать ситуацию на кончиках пальцев. Тут многое зависит от тебя лично.

⁷⁸ Келейст – боцман, надсмотрщик над гребцами на древнегреческом корабле.

⁷⁹ Дифрос – складной табурет.

⁸⁰ Котила – широкодонная чаша для питья с двумя горизонтальными ручками.

Выпили еще, затем разговор перешел на близкую всем участникам застолья тему внутренней политики Афин. Теперь досталось самому Периклу. Но Первый стратег был спокоен: живой ум, ораторский дар и тридцатилетний опыт политической борьбы делали его опасным соперником в дискуссиях. Благодаря своим учителям – Зенону Элейскому и Анаксагору из Клазомен – он умел ухватить суть проблемы, чтобы молниеносно найти рациональное решение.

Вино и скука плавания располагали к открытости, а важная задача, поставленная перед каждым из офицеров Народным собранием, добавила речам смелости. Поэтому разговор шел начистоту.

Молодой наварх Ламах, изрядно подогретый вином, говорил запальчиво, но старался сдерживаться, соблюдая субординацию. Он только что выразил мнение Совета пятисот по поводу чрезмерной расточительности Перикла.

Первый стратег развел руками, давая оппоненту понять, что упрёки необоснованны.

– Еще Фукидид обвинял меня в разбазаривании государственных денег. Хотел бы я посмотреть, сколько присяжных заседателей придут в суд, если просто воззвать к их совести. Они, между прочим, должны работать, чтобы прокормить семью. Пары оболлов из казны может хватить только на скромный обед – но хоть что-то! Архонты получают в два раза больше. Слава богам! Никто не упрекает меня за расходы на флот и гарнизон. Все-таки триста триер! Если честно, я бы еще платил за участие в Народном собрании, чтобы привлечь туда как можно больше граждан. И Фукидид здесь ни при чем – все, его можно забыть! Дело в другом.

– В чем? – решил уточнить хилиарх⁸¹ Гагنون, человек средних лет, спокойный, но решительный.

– Пусть лучше простой народ получает деньги от государства, чем от партийных вождей. Иначе кучки проплаченных громил будут резать друг друга по всей стране, и тогда наступит хаос. Мне как Первому стратегу придется железной рукой наводить порядок, а для этого потребуются куда более серьезные средства. Только с помощью пособий для бедняков и устройства клерухий за пределами Аттики государство может держать народ в подчинении. Я уже не говорю про выплату пенсий убогим, ветеранам-инвалидам и сиротам погибших в боях воинов – это прямая обязанность Совета пятисот.

– А какая польза государству от раздачи народу денег на зрелища? – Гагنون, на правах старого друга, не хотел играть с Периклом в поддавки. – Многие в Совете считают, что она служит только одной цели – твоему успеху в политической борьбе.

Первый стратег тонко усмехнулся. Но он и не думал оправдываться. Его лицо приняло надменное выражение.

– Все верно, это делается ради популярности. Я не знаю другого способа заслужить любовь простого народа в мирное время. А разве Кимон не раздавал деньги? Поэтому и считался всеобщим любимцем.

– Это не спасло его от изгнания, – заметил Ламах.

– Как друга лаконян, – парировал Перикл. – Афиняне не простили ему предательства. Не помогли даже его грандиозные строительные планы. Но он богат, а деньги открывают любые ворота. Так что если я не хочу потерять любовь народа, то должен раскошелиться. Личных богатств у меня нет, но я не вижу ничего плохого в том, чтобы пользоваться государственной казной. Мне это еще Дамон советовал.

– Ты и Фукидида отправил в изгнание.

– Не я, а Народное собрание. Не надо было обвинять меня в растрате фороса⁸², – снова усмехнулся Перикл. – Я у казначеев Парфенона тоже средства брал. Как раз ими Фидию и пла-

⁸¹ Хиляарх – командир хиляархии, отряда гоплитов в тысячу человек.

⁸² Форос – дань, например, регулярные взносы, которые полисы, являвшиеся членами Афинского морского союза (Делос-

тил за статую Афины Партенос. Все знают, что я возвращаю долги! Поэтому граждане встали на мою сторону при голосовании.

Первый стратег потянулся к виночерпалке, налил вина себе и товарищам.

Когда все выпили, Гагنون заметил:

– В Совете пятисот ходят разговоры о том, что нужно потребовать от тебя финансовый отчет. Поговаривают и о штрафе.

– Пусть! – набычился Перикл. – Четыреста шестьдесят талантов фороса – это огромные деньги. Большая часть идет на содержание армии и флота. Я могу отчитаться за каждый обол. Остаток на что хочу, на то и трачу... Да хоть на украшение Афин! Разве Новый Парфенон не великолепен? Благодаря Калликрату, Мнесиклу, Иктину и Фидию Акрополь преобразился. Что в этом плохого? Ведь хороший скульптор или архитектор дает ежедневную работу дюжине фетов – камнетесам, грузчикам, возничим, матросам... Отличная идея была у Кимона – возвести Длинные стены, но он успел только насыпать гравий, а закончил работу я. Вы знаете, что Фалерская стена себя не оправдала, поэтому мне пришлось построить Среднюю стену к Мунихию. Теперь в случае войны со Спартой мы сможем на суше ограничиться защитой этих стен, а основной удар нанесет флот. Флот – это залог будущего благополучия Эллады, так что никто не смеет упрекнуть меня в том, что я заливаю деньгами арсеналы и верфи Пирея... А праздники? Только не говорите мне, что прошлогодние Панафинеи выглядели невзрачно – я потратил на них шесть талантов. Шесть!

Перикл для убедительности показал цифры на пальцах. Он добился того, чтобы собеседники слушали, не перебивая.

– Празднества, жертвоприношения, театральные представления, состязания, бани, гимнасии, палестры... Все это символы процветания и могущества Афин не только как столицы Греции, но и как центра Делосской симмахии. Я трачу на строительство в год триста талантов и буду тратить еще больше, при этом доход государства – всего тысяча. Плюс, конечно, общественные повинности, но они бывают разорительными, особенно в военное время, так что приходится ссуживать олигархов деньгами. Построил хороший корабль – все, про долг можешь забыть. Поэтому выплачиваемый союзниками форос очень кстати.

Гагنون решил поменять тему.

– Утром моя флотилия уходит к Девяти путям. Хочу, чтобы ты дал мне напутствие.

Перикл вздернул брови – казалось, его удлинённый череп вытянулся еще больше.

– Все уже прозвучало на собрании пританов... Афины нуждаются в корабельном лесу, золоте, серебре из Фракии, поэтому господство в Пангейских горах имеет для нас стратегическое значение. Постарайся обойтись малой кровью, чтобы киконы, дерроны и бизалты не ожесточились. Объединившись, они могут помешать нашим планам, тогда придется перебрасывать сюда войска из Аттики. Зачем нам второй фронт? Не повторяй ошибку Кимона – не иди на Драбеск, пусть крепость остается сторожевым постом на границе между Македонией и Фракией. Будем ждать от тебя хороших вестей.

– Форпосту Эллады нужно новое имя. Как бы ты его назвал?

Первый стратег на мгновение задумался, наморщив лоб.

– Гора, на которой он стоит, с трех сторон окружена Стримоном, – пусть будет Амфи-поль⁸³.

– Пойдет, – Гагنون широко улыбнулся.

– Желаю удачи! Ждем от тебя к Великим Панафинеям корову и двух овец, к осенним Элевсиниям – часть первого урожая, а к Дионисиям – ритуальный фаллос. Да поможет тебе Зевс Арей!

ской симмахии), вносили в общесоюзную казну на покрытие военных расходов.

⁸³ Амфиполь – букв. «окруженный (кольцом) город».

Поднявшись с дифросов, товарищи обнялись.

5

Кизик наблюдал за стройкой из узкой бойницы. Пришлось подняться по винтовой лестнице на башню, чтобы как следует разглядеть котлован.

Сквозь кроны деревьев пробивалась голубая гладь бухты. С высоты горы боевые корабли казались неповоротливыми: медленно ползли по воде, оставляя за собой светлые шрамы. Вдали россыпью белели постройки Мирмекия⁸⁴.

В тени было зябко, намокший от пота гиматий неприятно холодил спину. Фальшивое весеннее солнце так и не смогло за день нагреть мощный бут. Затянувшая угол проема паутина пружинила на сквозняке.

Эсимнет чувствовал себя неудобно, его не покидало тревожное чувство. Вот опять в гавань заходит лемб с изображением львиного скальпа на парусе. Карийцы не могут дать убежище всем желающим, поэтому беженцы с Самоса продолжают прибывать. После походов Дария и Ксеркса Иония перестала считаться безопасным местом. Теперь, вместо того, чтобы доставлять на Боспор ткани, оливковое масло и вино, мореходы развозят по Понту островитян Эгейского моря. Они получают за это звонкую монету, а боспорские купцы – ничего. Если дело пойдет так и дальше, склады опустеют. Гермонасса⁸⁵, Корокондама⁸⁶, Тиритака⁸⁷ уже предъявляют претензии, считая, что, как союзники Пантикапея, имеют право на бесперебойное снабжение товарами из Аттики.

Теперь ему казалось, будто землекопы еле шевелятся.

«Перебрал вчера – вот и видится все в черном цвете», – с досадой подумал он.

Со стороны Феодосийской дороги одна за другой тянулись повозки, груженные камнем. Снизу доносился дробный стук – это каменотесы вовсю махали молотками, придавая известняковому буту форму квадров. Пыль силилась улететь, но, едва поднявшись над головами, сгущалась и опадала, покрывая все вокруг серым налетом.

Кизик уже представлял себе, как украсит стены пританея⁸⁸ стелами из Ионии, а в нишах поставит статуи олимпийцев. Пока под вопросом оставалась кровельная черепица – ее должны были привезти из Синопы в обмен на пшеницу, но зерновоз, который он отправил в Пафлагонию прошлой осенью, затонул возле мыса Карамбис.

Эсимнет проводил взглядом процессию жрецов, следовавшую с торжественным пением через теменос⁸⁹ Аполлона Врача. Над алтарем поднимался дымок. Гиеродулы⁹⁰ сметали с закопченной столешницы золу.

«Пора снова снаряжать корабль в Синопу», – подумал Кизик.

Почетная должность синагога амфиктионии⁹¹ Аполлона Врача на Боспоре давала ему доступ к храмовой казне. Еще дед добился в Совете ключей от опистодома⁹². Бывало, запускал в казну руку. Потом возмещал недостачу, но не всегда и так, как считал нужным.

⁸⁴ Мирмекий – полис на северном берегу Керченской бухты.

⁸⁵ Гермонасса – полис на южном берегу Таманского залива, совр. Тамань.

⁸⁶ Корокондама – полис на южном берегу Таманского залива возле Тузлинского мыса.

⁸⁷ Тиритака – полис на западном берегу Керченского пролива, к югу от Керчи, совр. поселок Аршинцево.

⁸⁸ Пританей – общественное здание, в котором устраивались обеды за государственный счет для магистратов, а также разного рода собрания.

⁸⁹ Теменос – священный участок перед храмом.

⁹⁰ Гиеродул – храмовый раб.

⁹¹ Амфиктиония – крупный религиозный союз с общим святилищем и казной.

⁹² Опистодом – закрытое хозяйственное помещение в западной части храма, часто служившее для хранения казны.

Синекура передавалась по наследству от отца к сыну, а вместе с ней и обязанности, которые были скорее привилегиями. Например, лично подбирать подрядчика на строительство, рассчитываться с ним.

«Я-то чем хуже?» – алчно рассуждал Кизик.

Он не сомневался в своей непогрешимости, поэтому под видом строительства нового пританея возводил личный дворец. Хотя злые языки утверждали, что восстановление старого здания, разрушенного скифами при Археанакте Первом, обошлось бы куда дешевле.

Послышался шум шагов, который сопровождался ритмичным звоном: кто-то поднимался по лестнице, задевая ножами стену. Вошедший иларх⁹³ похлопал себя по плечам, чтобы стряхнуть пыль, отчего боевой ход наполнился запахом сырости и дробленого камня.

Жесткий внимательный взгляд придавал лицу кавалериста хмурое выражение, которое усиливалось уродливым клеймом на щеке. Сову ему выжгли костоломы Перикла после подавления восстания на Самосе два года назад. Тогда многих защитников острова распяли, но он отделался изуродованным лицом. Только потому, что был аркадским наемником, а профессионалов ценят везде.

Аркадец бежал на Боспор и стал служить Совету Пантикапея. В полисе за ним прочно закрепилась кличка Саммеот⁹⁴. Довольно скоро «пес войны» завоевал доверие Кизика и стал выполнять его личные поручения. За некоторые из них в Афинах его отправили бы на рудники, но эсимнет ценил исполнительность слуги, подкрепленную неразборчивостью в выборе средств.

– Подвал на какую глубину роешь? – спросил Кизик, едва сдерживая раздражение.

– Десять локтей.

– Давай, чтоб не меньше. Я посуду заказал в Афинах. Сколько привезут – не знаю, может, придется полки вешать... Собак под фундамент закопали?

Иларх кивнул.

Кизик не удержался, упрекнул:

– Медленно работаете, Хармид! К зиме нужно закончить.

– Люди устали после вчерашней стычки со скелетами, есть раненые...

– И что? – взорвался эсимнет. – Других землекопов у меня нет. Кто не занят севом яровых, строит Тиритакский вал. Именно для того, чтобы не было стычек. Хватит таскать послов в храм Аполлона. Там даже выпить нормально нельзя, потому что жрецы начинают шикать. Без пританея – никак! Что здесь непонятно?

В сердцах он хлопнул ладонью по холодному камню.

Иларх молчал.

– Ладно, – выпустив пар, Кизик успокоился. – Мне рабы нужны. Поплывешь в Фанагорию, купишь человек десять... Мужчин и женщин. Мужчины должны быть знакомы с плугом. Я буду степь распахать к северу от Пантикапы, старые поля оставлю под паром... Понял?

Хармид снова кивнул.

– Сколько пахарей?

Эсимнет задумался, пожевал губами.

– Давай четырех.

– А женщин?

– Прислуга в дом... Сам решай. Ну, двух – трех... Деньги возьми у ключника.

Поклонившись, иларх спустился с башни.

Ему не хотелось плыть в Фанагорию, но приказ есть приказ. Рабов в Пантикапее стараются не продавать. Каждая пара рук на счету. Весной они нарасхват, потому что надо пахать

⁹³ Иларх – командир илы, конного отряда из 64 всадников.

⁹⁴ Саммеоты – меотийские самосцы, бежавшие на Боспор после захвата Самоса Периклом.

и сеять, летом заготавливают сено, пасут скот. Осенью все горожане поголовно заняты сбором урожая. Зимой рабов гонят за хору⁹⁵ на строительство оборонительного вала к Меотиде⁹⁶, который начали возводить еще при Археанакте Первом.

Тавры рабами не торгуют, хоть и пиратствуют. Захваченных матросов и купцов приносят в жертву Деве: сначала кровью полиют алтарь, потом добьют дубиной, а голову насадят на кол.

Сколоты иногда привозят военнопленных – в основном сайримов⁹⁷ и сираков⁹⁸, когда те совершают вылазки из-за Танаиса. Но только во время перемирия, если у Кизика есть деньги, чтобы заплатить дань. Как только казна иссякнет, начинаются стычки; тут уже не до мирной работоговли.

До заката Хармид находился в котловане: давал указания землекопам, иногда сам брался за лопату или лом, помогал выворачивать валуны. Закончив работу, солдаты нестройной толпой двинулись к войсковому бараку.

Позади остались акрополь, лепившиеся к горе гроздя жилых домов на террасах, кварталы ремесленников... В доках еще кипела работа – моряки будут продолжать просмолку до тех пор, пока солнце совсем не сядет, иначе смола остынет, затвердеет, а значит, завтра опять придется жечь дрова и дышать вонючим черным дымом.

Вот и берег Пантикапы. В казарме уже горят масляные лампы.

Хармид устало опустился на соломенный тюфяк. Повар сунул ему миску ячменной каши с салом, поставил на пол кружку воды. Иларх немного повалился, с наслаждением вытянув ноги, потом принялся за еду, пока не остыла.

Взгляд упал на сваленное в кучу у стены трофейное оружие: маленькие изогнутые луки, обтянутые кожей гориты⁹⁹, тяжелые копья, похожие на гарпуны дротики с длинной втулкой и крошечным жалом.

Заметив акинак и булаву, подумал: «Ишь ты! Простые общинники такие не носят. Похоже, удалось завалить пару сотников».

Иларх вспомнил последнюю стычку. Люди номарха Октамасада сожгли одну из деревень хоры. Когда на следующий день они явились в соседнюю деревню, там их ждала фаланга из двухсот пантикапейцев.

Сколоты сидели на конях, словно влитые, будто это не люди, а кентавры. А дрались ух как настырно! Так и вились вокруг словно растревоженные осы, стреляли просто виртуозно, отпустив поводья на полном скаку.

Пантикапейцы начали обстрел из дальнобойных луков раньше, чем лава докатилась до фаланги, а когда сколоты ответили, гоплиты укрылись за щитами. Тогда всадники повернули обратно, рассыпались по пустоши. Свистели, гарцевали на безопасном расстоянии. Иногда то один, то другой скакал вдоль первой шеренги, размахивая арканом. В такого не целились из луков – ждали, когда сам напорется на копье.

Ила Хармида стояла в засаде за холмом. Товарищи горячили коней, вызывая поглядывая на командира, но тот сидел с каменным лицом. Так и не удалось поучаствовать в драке.

Когда на обратном пути кавалерсты поравнялись с пехотинцами, которые несли на древках трупы и тяжелораненых, перешучиваться перестали, замолчали, отдавая дань погибшим.

В конце строя тащилась телега с трофеями, следом гуртовщики из местных тавров вели отловленных лошадей. Мохнатые низкорослые тарпаны дико косились на боспорских скакунов со стриженными гривами.

⁹⁵ Хора – сельскохозяйственная территория вокруг полиса.

⁹⁶ Меотида – совр. Азовское море.

⁹⁷ Сайримы – савроматское племя.

⁹⁸ Сираки – савроматское племя.

⁹⁹ Горит – скифский колчан для лука и стрел.

Гоплиты топали по пыльной дороге, про себя вознося молитвы Диоскурам за спасение. За конем стратега волочился на аркане мертвый сколот, которого по традиции повесят вниз головой на агоре...

Отставив пустую миску, Хармид постучал ножами по шлему, чтобы привлечь внимание.

– Завтра плыву в Фанагорию. Со мной пойдут Памфил и Каламид. Старшим остается Демей.

Названные солдаты подсели к иларху.

Инструктаж оказался кратким:

– Отправляемся с третьей стражей¹⁰⁰. Щиты и дротики не брать, только мечи. Едем за рабами, так что припасите веревки. Возьмите выпить и поесть.

Он усмехнулся.

– Хотя вряд ли закуска пригодится.

Памфил и Каламид переглянулись с кислым выражением на лице. Оба поняли, что командир имеет в виду: при сильной качке еда в горло не полезет.

– Когда обратно? – спросил Каламид.

– За день управимся.

Кавалеристы отправились доигрывать в кости.

Хармид осмотрел ксифос¹⁰¹, смазал лезвие жиром, проверил, чтобы ход по ножнам был свободным, а перекрестие прочно садилось в паз. Отнес меч вместе с перевязью в оружейную комнату. Потом попыттел над навощенной табличкой, расписывая корявым почерком разнарядку на следующий день: дежурство на часах, уборка казармы, помощь повару...

Насадив дощечку на штырь возле входной двери, улегся спать.

¹⁰⁰ Стража – древние греки делили сутки на восемь страж, начиная с полуночи, каждая длилась три часа.

¹⁰¹ Ксифос – двухлезвийный кавалерийский меч.

Глава 2

*Год архонта Феодора, мунихион*¹⁰²

Боспор

1

Сойдя с шатких мостков на каменный причал Фанагории, греки не торопились сесть в седло. Они пружинисто переминались с ноги на ногу, словно отвыкли от твердой земли, перешучивались.

Размявшись, направились к городу. Кони еще не пришли в себя от качки, так что их пока вели в поводу.

За спиной ветер швырял волны на базальтовый мол, но в порту мутная вода тихо плескалась у причала. Присмирившее море, словно собака, покорно лизало обросшие илом и ракушками квадры.

В Антиките волнения не было. Река спокойно несла воды в Корокондамитское озеро¹⁰³, лишь на границе устья от берега до берега протянулась полоса мусора: ветки, топляки, щепы...

Тракт к Синдской Гавани¹⁰⁴ остался в стороне. Пантикапейцы проехали рыбный рынок, над которым кружились чайки, то и дело пикируя на телеги. Разбитая колесами портовая дорога круто взяла в гору. Отсюда двинулись верхом. По обочинам расположились торговцы из местных с разложенным на холстине товаром.

Синды теснились возле городских ворот, надеясь, что, пока помощники агораномы сюда доберутся, они успеют хоть что-то продать. На штраф все равно денег нет, самое страшное, что может произойти, – огребут тумачей.

Лошади осторожно ступали среди открытых мешков с зерном, глиняных горшков, амфор, наваленных кучей овечьих и козлиных шкур. Глядя на керамику, Хармид морщился: лепная, у этих варваров даже гончарного круга нет.

Со всех сторон к пантикапейцам тянулись руки, хватали за штаны, хлопали по сапогу. Всадники то и дело пускали в дело плетку – не лезь!

Возле агоры спешились. Двинулись вдоль колоннады к рынку рабов, мимо статуй и стел с благодарственными надписями. Дойдя до места, довольно огляделись: здесь есть то, что нужно.

Рабы, в отличие от снующих между торговыми рядами ремесленников, грузчиков, матросов, плотной группой сидели на вымостке в тени храма Аполлона Бесконечного. Тихо, обреченно, без сил.

Умершие ночью лежали в ряд под рогожей, над которой роились мухи.

Грязные, оборванные люди воспользовались передышкой, чтобы привести себя в порядок. Матери расчесывали детей. Девушки, поплевав на край рубахи, вытирали лицо – пусть уж поскорей кто-нибудь купит, тогда закончится этот бесконечный тоскливый путь по жаре и пыльным дорогам. Кто-то тянул руку в надежде поживиться куском хлеба, кто-то жалобным голосом просил пить. Другие пытались спать, закрыв лицо от солнца рукавом.

Конвоиры расхаживали между живым товаром, прокладывая себе путь пинками и плетью. Раба, на которого пальцем показывал покупатель, заставляли встать, выталкивали вперед.

После осмотра и торга продавец-синд получал плату, а новый хозяин тянул купленного слугу за собой на веревке словно скотину.

¹⁰² Мунихион – апрель – май.

¹⁰³ Корокондамитское озеро – совр. Таманский залив.

¹⁰⁴ Синдская Гавань – столица Синдики, располагавшаяся недалеко от совр. города Анапы.

Увидев подъехавших греков, работорговец подошел первым: ладная сбруя коней и добротное вооружение всадников говорили о том, что гости – люди служивые.

– Кто нужен? – деловито спросил он.

– А кто есть? – пренебрежительно бросил Хармид.

Синд с готовностью начал показывать.

– Вон те горбоносые – военнопленные керкеты, хорошо подойдут в охрану усадьбы. Там – тореты¹⁰⁵, целая команда пиратской камары¹⁰⁶. Отличные гребцы... Ну?

Он вопрошающе посмотрел на грека.

Хармид недовольно скривился.

– Воины, пираты... бандиты, в общем. Кизик пританей строит, ему нужны мирные люди – строители, пахари, конюхи.

– Так бы и сказал, – спохватился работорговец. – Тогда бери язаматов¹⁰⁷.

По тому, как рабы, на которых указал синд, жались друг к другу, иларх догадался, что они из одного стойбища. Им явно не хотелось разлучаться.

– Это кто? – удивился он. – Я про таких не слышал.

– Сираки в Танаис целую толпу пригнали. Откуда язаматы пришли в степь – никто не знает. Только трудно им придется, потому как они не пастухи, а землепашцы. На одном месте в степи сидеть нельзя – все равно что стрелу ждать. А она точно прилетит, сираки слабости не прощают.

Хармид заинтересовался. Землепашцы – это хорошо, значит, умеют выращивать пшеницу. И мужчин как раз четверо. Дети, конечно, обуза, но, если не купить, женщины ожесточатся, для домашней рабыни это плохо.

– Сколько хочешь? – спросил он.

Синд заулыбался.

– Сто пантикапейских драхм за мужчину, восемьдесят за женщину. Двое ребятишек – по пятьдесят. Всего выходит тысяча.

Сосчитав в уме, Хармид понял, что синд сильно округлил сумму, но торговаться не стал.

– Может, совы есть? Тогда скидку дам, – не унимался работорговец.

– Не-а, – иларх цыкнул уголком рта.

Он знал, что синды ведут активную торговлю с Афинами, поэтому ценят аттические деньги.

«Еще чего, сов ему подавай, – недовольно думал он. – А куда девать серебро, которое чеканит Кизик?»

Не ожидавший такой сговорчивости продавец решил пойти покупателю навстречу.

– Вон ту девку могу заменить на кого покажешь: похоже, она больная.

Хармид уставился на тоненькую, словно тростинка, язаматку с шапкой черных волос и покрытым россыпью красных пятен лицом.

Двое верзил уже расталкивали рабов, чтобы оттащить ее в сторону. Соплеменники уперлись, не пускают – сдвинули плечи, сомкнулись вокруг девушки. Защелкали плети, послышались крики боли. Женщины завывали. Поднялся такой гвалт, что иларх махнул рукой.

– Не надо. Всех беру.

– Как скажешь, – удивленно протянул синд, – я хотел, как лучше.

Вскоре связанные попарно рабы двинулись в сторону гавани.

¹⁰⁵ Тореты и керкеты – племена, населявшие в описываемый период территорию совр. Черноморского побережья Кавказа.

¹⁰⁶ Камара – длинная и узкая военная лодка древних кавказцев.

¹⁰⁷ Язаматы – яксаматы, савроматское племя.

У причала одномачтовые лембы терлись бортами о пеньковые бухты. За молом на внешнем рейде покачивалось несколько триаконтер¹⁰⁸ со свернутыми парусами. Стая кричащих чаек накрыла только что пришвартованную рыбацкую лодку. От дейгмы¹⁰⁹ сразу же потянулись грузчики с корзинами.

Сначала в лемб завели лошадей. Затем рабы, держась за решетку, прошли цепочкой по борту и спустились на дно. Матросы растянули сверху рогозовое полотнище.

Хармид с товарищами устроились на полубаке, под жердяным навесом. Дело сделано, так что теперь можно расслабиться. По рукам пошла ойнохоя с вином. Закусывали овечьим сыром, но на еду не налегали, ведь каждому было ясно: при такой качке морская болезнь неизбежна.

Когда лемб вышел в Апатурский залив, иларх приказал привести больную язаматку.

Та настороженно смотрела из-под длинной челки.

– Развязать? – спросил Памфил.

– Не надо... – казалось, Хармид раздумывает. – Может, придется ее за борт выкинуть, пока других не заразила.

Вдруг спросил:

– В команде есть кто-нибудь, кто говорит на скифском языке?

Каламид привел гребца.

– Спроси ее, что с лицом. Болеет? – приказал иларх.

Тот перевел.

– Нет, – ответила рабыня, вскинув на грека полные тревоги глаза, – я соком сон-травы¹¹⁰ натерлась по дороге, чтобы кожу испортить.

– Зачем?

Язаматка с вызовом выпалила:

– А пусть не лезут!

Воины расхохотались. Ничего себе, сообразительная девка.

– Вы пастухи или пахари? – спросил Хармид, отсмеявшись.

– Пахари.

– Что сеяли?

– Пшеницу, ячмень, просо.

Иларх довольно покачал головой – деньги не зря потрачены, не обманул работорговец.

– Как тебя зовут?

– Быстрая Рыбка.

Он вяло махнул рукой.

– Иди обратно.

Потом приказал мореходу:

– Дай им хлеба и воды... Развяжи – теперь их судьба в руках Афродиты Апатурской.

Хармид кивнул в сторону белеющего на Лысой горе храма защитницы путников.

Лемб прошел острова Фанагор и Гермонассу. Вскоре за маяком на Южной косе открылся Боспор. Когда парус упруго выгнулся, корабль пошел быстрее. Гребцы втащили весла, ссутулились, вытирая пот со лба. Мореход отложил флейту и, стараясь на ходу удержать равновесие, начал отпаивать их водой. Полупустую ойнохою отдал рабам.

Пролив пересекли к закату. Задержались в пути: пришлось побороться с сильным боковым ветром со стороны Меотиды.

¹⁰⁸ Триаконтера – тридцативесельное однорядное парусно-гребное судно.

¹⁰⁹ Дейгма – место разгрузки товаров.

¹¹⁰ Сон-трава – здесь имеется в виду растение прострел из семейства лютиковых, лат. Pulsatilla.

Справа показался маяк Северной косы. Греки совершили возлияние в честь Ахилла Понтарха, покровителя моряков. Сами выпили по чуть-чуть, чисто символически: их все еще мучило от болтанки.

Наконец за лесом мачт забелел акрополь.

Хармид спустился проверить рабов. Сидят, таращатся, зеленые от морской болезни. Быстрая Рыбка смотрит уже не так испуганно: похоже, разговор с новым хозяином ее успокоил.

«Что у них за имена дурацкие? Варвары...» – подумал иларх.

Он вернулся на полубак довольный: купил, доплыли, всех до одного доставил.

И вдохнул полной грудью, глядя, как Пантикапей встает над водной лазурью.

2

Эсимнет с аппетитом обгладывал баранье ребро.

Ухватив жирными пальцами ритон, пригубил холодный терпкий напиток. Он знал толк в винах и тратился на них без сожаления. Особенно любил фасосское. Поставщик из Гераклеи Понтийской по секрету сообщил ему, что фасосцы кладут в вино тесто, замешанное на меду, отчего оно приобретает особые сладость и аромат.

Кизик замечал, что сладкие вина улучшают аппетит, поэтому никогда не разбавлял их морской водой. Фасосское или хиосское, из Ариусия, как-то по-особенному задерживаются в подреберной области, усиливая слюноотделение. От книдского его пучило, а от лесбосского он часто бегал по-маленькому. Итальянских вин не пил вообще. Как-то раз попробовал – не то альбанское, не то фалернское, потом сильно мучился головными болями. Тот же купец объяснил, что при слишком долгом хранении в них вырабатывается яд.

«Хороший человек, – думал эсимнет, – такому можно доверять».

И не торгуясь выкладывал по двенадцать драхм за метрет¹¹¹.

Послышался стук в дверь.

– Заходи! – крикнул Кизик.

В трапезную вошел Хармид. Молча встал перед столом в ожидании приказа.

– Вот что... Поедешь в стойбище Октамасада. На переговоры. Я решил заплатить ему дань, иначе он не даст нам спокойно работать. Хора большая, везде не поставишь гоплитов. Да и пахать кому-то надо... Пусть лучше за рукоятку плуга держатся, чем за копье. Мы в этом году в полтора раза больше должны засеять, так что дань отобьем. Возьми с собой пару человек.

Он поковырялся острием ножа в зубах.

Поцывав и подвигав языком, прочищая десны, добавил:

– Где золото взять, знаешь, я Ламприя предупредил...

Хармид спустился в подвал. Ключник уже ждал. В кожаных переметных суммах позвякивало. Прежде чем передать ношу иларху, он налил на бечеву смолы и вдавил сверху большую общинную печать с головой Геракла...

Оставив указания Демею, Хармид вышел во двор казармы. Рывком перекинул суммы через спину коня. Тот шарахнулся, испугавшись звона, но иларх успел ухватиться за узду.

– Стоять! Тихо, тихо...

Подожли Памфил с Каламидом.

Вскоре переговорщики обогнули гору со стороны порта и выехали на дорогу в Тиритаку. Юный безбородый Дионис в хламиде со свежими потеками голубинового помета долго смотрел им вслед невидящими глазами. Пантера у его ног наслаждалась близостью к божеству. Букетик фиалок на постаменте тихо засыхал под полуденным солнцем.

¹¹¹ Метрет – древнегреческая мера жидких тел, равная приблизительно тридцати девяти литрам.

Путь мимо некрополя на западном склоне был короче, но горожане старались там не ездить, чтобы не тревожить покой мертвых. Каменные дома знати сменились тростниковыми мазанками, землянками городской бедноты, загонами для скота...

Наконец шум складов и доков остался позади.

Хармид по случаю миссии облачился в помятый бронзовый панцирь с головой горгоны Медузы на груди и золоченым полумесяцем под шеей. Он надевал его редко – только когда предстояла серьезная схватка, чтобы подчеркнуть офицерскую статью. Не любил возиться с ремнями и застежками. Да и неудобно: приспичит почесаться, а не достанешь. Чаще довольствовался кожаным тораксом. Верный ксифос в медных ножнах слегка похлопывал по бедру.

Товарищи никак не украсились – еще чего, выделяться перед варварами. Кирасы¹¹² и кнемиды¹¹³ им не полагались. Круглый бронзовый шлем с полями и маленький деревянный щит, обшитый кожей, – вот и вся защита.

Оба отлично знали: никакой крепкий доспех не поможет, если в степи что-то пойдет не так. Стрелой в упор достанут или дротиком. Маму вспомнить не успеешь! Так и отправились в обычных холщовых линотораксах¹¹⁴.

– Дошло до Кизика, что можно всю посевную в строю простоять, – съязвил Каламид.

– Не нашего ума дело, – оборвал товарища Хармид. – Он эсимнет, ему виднее.

Потом решил поддеть:

– А что, вдруг Октамасаду не понравится дань? Как думаешь – на кол нас посадит или скальп срежет?

– Типун тебе на язык! – сплюнул Каламид.

Памфил рассмеялся, подмигнув иларху:

– Скальп вряд ли. Своих вшей, что ли, у него мало?

– Да нет уже никаких вшей! – взъерился Каламид. – Я всех повывел.

– А чего тогда голову чешешь?

– Жарко!

За Южной бухтой показался вал. Предъявив пикету пропуск, переговорщики выехали сквозь ворота на степной простор. Открылась усыпанная красными тюльпанами и сиреневыми ирисами даль.

«Эх! – думал Хармид, глядя на не тронутую плугом равнину. – Вовремя Кизик одумался. Вот где пахать и пахать...»

– Что-то скифов не видно, – заметил Памфил.

– Покажутся, вон – только курганы пройдем, – иларх указал плетью в сторону цепи холмов со срезанными верхушками.

Все греки Пантикапея знали, что под ними скрыты могилы, в которых есть и серебро, и золото, но не совались туда – себе дороже. Сколоты бдительно охраняли покой предков, и любого, кто покажется там с лопатой, сначала волокли за ноги вдоль вала, привязав к коню, потом сажали на кол. Гоплиты слышали крики товарища, но не спускались, чтобы отбить его у вражеского разъезда. Они знали: нарушен закон Совета. За разграбление скифских могил полагается публичная казнь на агоре. Уже было, что, обнаружив раскопанный курган, Октамасад сжигал целые поселения, а жителей угонял в рабство.

На востоке поднялась гряда. И вот там-то, среди валунов, греки разглядели силуэты всадников. Степняки ринулись навстречу – пригнулись, свистят, копыта опустили для атаки.

– Стоим! Ждем! – приказал иларх.

Троица замерла. Памфил не выдержал, медленно потянулся к мечу.

¹¹² Кираса – металлический торакс, панцирь.

¹¹³ Кнемиды – поножи.

¹¹⁴ Линоторакс – плотный льняной панцирь.

– Не тронь, – Хармид нахмурился. – Терпи.

Сколоты окружили, но луки оставили в горитах, поняв, что обычной стычки не предвидится. Одеты в анаксариды¹¹⁵, кафтаны, некоторые просто в шкурах. Из-под мягких колпаков по плечам распущены длинные волосы.

Старшина в костяном пластинчатом панцире и круглом шлеме с нащечниками спросил на ломаном греческом:

– Что надо?

– Дань везем Октамасаду, – спокойно ответил Хармид, похлопав ладонью по переметной суме.

Сколоты начали оживленно переговариваться. Старшина ткнул пальцем в двоих. Один тонкий, сухопарый, с едва отросшей бородкой, на шее связка амулетов, второй – крепкий, коренастый, волосы схвачены поперек лба лентой. Оба молодые.

Сказал грекам:

– Пойдете с ними.

Разъезд поскакал к курганам.

Греки поднялись за конвоирами на гряде, шагом двинулись по плоскому гребню. Тут особо не развернешься – кругом голый камень. Хармид догадался: скифы опасаются, что переговорщики на самом деле разведчики и за ними вот-вот покажется конница. Выжидают. Высматривают.

Ничего, торопиться некуда. Он подумал о том, что придется лезть в самое логово врага, от этой мысли спина неприятно заглодела.

– Ты кто? – обратился к нему сколот с амулетами.

Иларх не сразу понял, что спрашивают имя.

– Хармид.

– Орпата, – сколот ударил себя кулаком в грудь.

Потом показал на спутника:

– Токсис.

Иларх озлился: и чего этот обвешанный лезет с расспросами? Какая разница, как кого зовут, дружкой здесь не пахнет. Все-таки справился с чувствами, назвал товарищей.

Некоторое время ехали молча. Греки от скуки начали тихо переговариваться. Сухопарый держался на полкорпуса впереди, настороженно озираясь. Казалось, ему нет дела до парламентеров. Коренастый замыкал строй.

– Приставили каких-то недоделанных, – проворчал Памфил. – От одного воняет, будто он год не мылся, другой вырядился как баба, обвешался цацками. Ты на его штаны посмотри: зигзаги, горох, треугольники...

– Воняет кабанья шкура, а второй – жрец, – объяснил Хармид, – «энарей» по-сколотски. Они и есть бабы. Жен и детей не заводят, одеваются в бабью одежду, живут отдельно от племени. Уж не знаю, чем они там занимаются, когда никто не видит.

Внезапно Орпата обернулся. По красному от гнева лицу Хармид понял, что сколот все слышал.

– Энарей – жрец Аргимпасы! Я жрец Табити! Воин! Ты – баба! – выкрикнул он.

Хармид больше не мог сдерживаться.

– Были бы мы сейчас на равных, я бы тебе показал, какая я баба, – зло процедил он.

Сколот развернул коня, подъехал вплотную.

Рявкнул:

– Ты и я! Драться!

¹¹⁵ Анаксариды – кожаные или войлочные штаны ираноязычных народов.

Затем спрыгнул на землю. Скинул кожаный пояс с пристегнутыми горитом, чашей и точильным камнем. Резко махнул рукой, подзывая к себе.

– Давай!

Хармид не нуждался в повторной просьбе. Кем этот сопляк себя возомнил? Количество убитых Саммеотом врагов – афинян, карийцев, пиратов с Кикладских островов – не поддавалось подсчету, он давно бросил эту пустую затею.

Передав Памфилу сумки с золотом, иларх спешился, скинул шлем и перебросил через голову перевязь с мечом.

– Не надо, – предостерег его Каламид.

– Тебя не спросил, – огрызнулся Хармид, яростно растирая ладонями нос и уши. – Помоги лучше снять торакс.

Вскоре он остался в кожаных штанах и рубахе.

Не говоря ни слова, соперники бросились друг на друга. Дрались азартно, ожесточенно, безжалостно. Мелькали руки, ноги, слышались глухие удары, вскрики. Бойцы расходились, снова сближались, выбрасывая то кулак, то колено, то локоть. Лицо Орпаты было в крови, которая хлестала из разбитого носа. Хармид не видел заплывшим правым глазом.

Никто не мог взять верх. Оба повалились на землю, вцепившись друг в друга: Саммеот душит, а сколот не дается. Покатились к краю обрыва, елозят по камням кладки, которой древние киммерийцы¹¹⁶ укрепили склон. Ничего не замечают, еще немного – и свалятся с кручи.

Токсис с Каламидом бросились разнимать: чего доброго, и впрямь погибнут. Тогда и остальным не жить. Растащили в стороны, держат, чтоб опять не схватились. Ну и видок! Такими к Октамасаду являться нельзя.

– Вода! – Токсис махнул в сторону пологого северного склона.

Вскоре конвоиры сидели возле ручья рядом с пленниками. Драчуны умылись, Токсис вправил Орпате сломанный нос. Обстановка разрядилась, но желания общаться ни у кого не возникало. Когда отряд снова двинулся в путь, соперники поглядывали друг на друга без прежней вражды, вроде бы даже с уважением.

Вдали показалось стойбище. К отряду бежали люди и собаки.

Переговорщикам отвели кибитку, выставили охрану. Октамасад днем принес жертву Аргимпасе, после чего напился вместе с энареями. Теперь спал – какие тут гости. Встречу назначили на рассвете следующего дня.

Ни сколоты, ни греки не знали, что к Нимфею уже подходит афинская эскадра.

3

Кизик рвал и метал. Ходил по дому, словно зверь в клетке. Он только что узнал, что Перикл под Нимфеем. С ним сотня триер, не считая гиппосов и пентеконтер. Что делать? О морском бое не могло быть и речи – у Пантикапея нет сопоставимого количества военных кораблей. Тем более что флот союзника Гилона заперт в нимфейской бухте.

В голове молнией сверкнуло: «Это конец!»

Цель экспедиции ясна: сменить власть на Боспоре. Если бы Афинам были нужны деньги, Совет прислал бы аргирологов¹¹⁷ на переговоры, а не эскадру с эпибатами.

Ну, провели бы, на худой конец, дознание, в исходе которого Кизик не сомневался – уж он-то умеет умасливать магистратов. Не оскудел еще Боспор царской рыбой и чернобровыми красавицами. А отчеты стряпать по отгрузке зерна – плевое дело, кто сюда потом проверять поедет, тем более что зерна тут – завались.

¹¹⁶ Киммерийцы – ираноязычный народ, населявший Северное Причерноморье в VIII–VII вв. до н. э., вытесненный впоследствии скифами в Переднюю Азию.

¹¹⁷ Аргирологи – чиновники, взимающие дань с союзников Афин.

Еще Археанакт Первый понимал, что рано или поздно придется лечь под Афины. Но чтобы сейчас! Почему именно в его правление? Столько денег угрохано на строительство дворца, заказана посуда из Аттики, от общинной земли отрезан большой кусок земли под пашню, куплены рабы, уплачена дань сколотам...

«Все пойдет прахом... Все!»

Кизик застонал от бессильной злобы.

Он смотрел на вещи прагматично и понимал, что если афиняне возьмут Нимфей, то Перикл за деньги соберет крепкую фалангу для осады Пантикапея. С моря ударят эпибаты. Что он может противопоставить афинской эскадре? Флот? Кишка тонка! Гарнизон крепости? Да, но он не выстоит против целой армии. Стены толстые только на акрополе, даже если гарнизон закроется там, то долго не продержится: запасов храма Аполлона хватит не больше чем на месяц. При этом город будет оставлен без защиты и подвергнется разграблению.

«Так что – сдаться? – лихорадочно думал он. – Нет, только не Периклу!»

Кизик хорошо помнил рассказы Хармида о казни самосцев. Да и искореженная рожа иларха говорила лучше всяких слов.

Надежда только на Гилона.

Он лихорадочно соображал.

«Послать в Нимфей ополченцев? Можно... Время на сбор фаланги есть, вряд ли Перикл отважится на ночной штурм: триеры не смогут подойти близко к берегу, а высадка эпибатов в холодную воду в темноте и под обстрелом дело рискованное. Понт – не Эгейское море. Даже в Элладе в мунихион плавают только специально обученные рабы – ловцы жемчужных раковин. Тиран будет выжидать, оценивая обстановку, а я тем временем поищу союзников».

Решение было принято. К стратегу Архелаю срочно отправился вестовой.

После этого Кизик вызвал ключника.

– Собирай все, что можно увезти.

– Куда? – глаза Ламприя округлились.

– В Феодосию!

– Когда?

– Утром.

Теперь настала очередь Хармида, который, как всегда, возился в котловане вместе со своими кавалеристами. Вскоре, усталый и запыленный, он ввалился в зал.

– Прямо сейчас поедешь в усадьбу, заберешь рабов, – с ходу озадачил Кизик.

– До утра не терпит? – по виду хозяина иларх понял: что-то случилось, но о людях тоже надо подумать. – Мы целый день отработали...

Эсимнет сорвался на крик:

– Перикл в проливе! Ты по нему соскучился?

– Понятно... – подавленно выдавил из себя Хармид.

Кизик продолжал отдавать команды.

– Утром обоз отправится в Феодосию. Ламприй за ночь все соберет. Твоя ила будет охранять казну вместе с меотами. Архелай поведет фалангу в Нимфей. Выполняй!

Иларх хмуро вышел на улицу.

Собрал солдат, объяснил ситуацию, потом вместе с ними вернулся в казарму.

На закате ила ушла к Меотиде, где эсимнет осваивал большой надел под яровые. Поденщики из местных греков не справлялись с работой, поэтому фанагорийских рабов он отправил именно туда: мужчин – пахать, а женщин – кашеварить и присматривать за хозяйством.

Сзади гроыхала запряженная волами телега. Хармид то и дело оборачивался, озадаченно поглядывал на нее. Такими темпами разъезд вернется глубокой ночью. А утром опять в дорогу.

«Что это впереди? Дым?»

Он подозвал Памфила.

– Я с половиной отряда поскачу в усадьбу. Посадим рабов за спину и вернемся. Ты остаешься за старшего.

Тарентина¹¹⁸ ушла вперед.

Надел располагался в ложине, со всех сторон закрытой от ветра холмами. Западный кряж одним концом спускался в бухту. Сейчас над гребнем вился черный дымный хвост. Когда отряд вырвался из оврага, усадьба уже догорала.

– К бою! – приказал иларх. – Алале!

Греки рванули к морю. От порыва ветра чад рассеялся, и они увидели, как люди в штанах и шапках с башлыком тащат к эпактридам¹¹⁹ упирающихся мужчин и женщин.

«Катиары!»¹²⁰ – догадался Хармид. Именно это племя промышляло на Меотиде морским разбоем.

Пираты не церемонились. Убивать пленников они не торопились – то ли хотели отвезти в стойбище, чтобы принести в жертву Богине огня, то ли думали продать в Танаисе. Но пинков не жалели. Пожилого поденщика повалили на землю и били ногами.

Со свистом, боевыми криками греки налетели на катиаров. Пираты на бегу отстреливались. Один из нападавших повалился назад. Под другим споткнулась раненая лошадь, покатила по земле. Хармиду в грудь ударила стрела, но спасла бронзовая кираса. Иларх конем отбросил стрелка в сторону. Еще одного рубанул ксифосом.

Израсходовав дротики, греки пустили в ход мечи. Катиары кучей отступали к лодкам. Лучники с обеих сторон охотились друг на друга, чтобы добиться перевеса в схватке. Кавалеристы спешили, стали окружать пиратов.

Хармид схватился с катиаром. Тот скалит бородатое лицо, рычит, пучит глаза – пугает. Размашисто выбрасывает перед собой топор. Поднырнув под руку противника при очередной атаке, иларх всадил меч ему в живот.

Возле эпактриды озверевший пират собрался резать глотки рабам, которые беспомощно уворачивались, ведь руки были связаны за спиной. Одного полоснул, тот лицом повалился в воду, болтается в красной мути. Катиар повернулся к девушке, схватил за плечо, хочет ударить ножом. Она сжалась – бледная, смотрит ошалело.

Дротик вошел ему точно под лопатку. Катиар осел, цепляясь за борт, а девушка, всхлипывая и дрожа, смотрела, как он беспомощно загребает воду. Хармид уже схватился с другим пиратом. Подрезал колено, опрокинул ударом ноги, добил мечом.

Катиары выкинули рабов из эпактриды и ввалились в нее сами, ожесточенно заработали веслами. Двое на берегу завывали, поняв, что товарищи бросили их.

Греки сначала убили оставших, затем выпустили несколько залпов по удаляющейся лодке. Судя по тому, как она завертелась, потеряв управление, в живых там никого не осталось.

Хармид вытирал ксифос о полу хламиды, когда почувствовал, как кто-то коснулся его плеча. Прикосновение было мягким, легким. Он резко обернулся. Девушка рухнула перед ним на колени, стала целовать руку.

– Ты что? – иларх опешил.

Рывком поставил ее на ноги. Грубо развернув к себе спиной, вспорол веревки. Снова повернул лицом.

– Не узнавать, – сказала рабыня на ломаном греческом, потирая затекшие запястья. – Фанагория.

¹¹⁸ Тарентина – отряд из тридцати двух всадников, подразделение илы.

¹¹⁹ Эпактрида – пиратская лодка.

¹²⁰ Катиары – одно из скифских племен по Геродоту.

Он присмотрелся: брови скифским луком, тонкий изящный нос, смуглая кожа. И надо же – зеленые глаза. Тогда, на лембе, не обратил на это внимания.

– Быстрая Рыбка!

Девушка улыбнулась.

– Помнить.

– А где пятна?

Рабыня сделала удивленное лицо, потом показала рукой на море.

– Смыть вода.

Увидев, что он не понял, засмеялась – тихим звоном, словно кто-то тронул цимбалы. Хармид не удержался, улыбнулся.

– Иди к своим, – сказал он. – Тяжелораненых не возьмем, прости. Остальные пусть садятся за спину. Если хочешь, садись ко мне.

Вскоре тарентина тронулась в обратный путь. Быстрая Рыбка устроилась на кожаном ленчике¹²¹, обхватив Хармида руками и привычно сжимая бедрами бока коня. Ей было хорошо и спокойно...

Пожилой поденщик обмяк возле валуна, вытянув ноги. Взглядом, полным горя, он смотрел на обгоревшие трупы жены и детей, к которым уже подбирались любопытные чайки. Из-под прижатой к животу ладони пульсирующими толчками продолжала бить кровь.

Когда последние кони скрылись в овраге, он закрыл глаза. Голова грека бессильно упала на грудь, а душа, взлетев над лиманом, отправилась в сторону родных меотийских степей.

4

От Амиса¹²² без страха махнули поперек Понта. Лоцман-грек по ночам прокладывал путь по Полярной звезде. Эскадра подошла к Нимфею шестнадцатого мунихиона, аккуратно в день Артемиды Мунихийской.

Перикл лично исполнил обязанности армейского жреца, совершив возлияние на походный алтарь в честь богини. Потом зарезал козу и окропил кровью первую шеренгу выстроившихся на катастро¹²³ эпибатов, где стояли лучшие воины.

Когда над круто загнутым ахтерштевнем флагмана взвился вымпел с изображением лани, эпибаты на остальных кораблях трижды прокричали приветствие, ударяя копьем в щит, отчего по проливу прокатился глухой треск.

Флагман застыл на внешнем рейде. Войти в гавань он не мог из-за того, что нимфейцы затопили между молами лемб. Над водой торчала рея, на которой мирно расселись чайки. Военный флот Нимфея – триаконтеры – так и остался на внутреннем рейде. А зачем и куда его выводить, если афинская эскадра превосходит и классом, и количеством кораблей? На верную гибель?

Триеры рассредоточились по Боспору от самой Акры¹²⁴, маневрируя на веслах, чтобы не сталкиваться друг с другом.

Как только они показались на горизонте, в проливе началась паника. Одни рыболовецкие лодки и грузовые лембы устремились в порт Нимфея, другие, пытаясь избежать толкучки, двинулись к Тиритаке, третьи – еще дальше, в Пантикапей.

Перикл и Спарток с высоты полубака смотрели на город, белеющий у подножия береговой гряды. Оба понимали, что для разборки затопленного корабля потребуется время. Нужно принимать решение, иначе город с каждым днем будет копить силы, вооружая добровольцев,

¹²¹ Ленчик – мягкое седло, состоящее из двух соединенных подушек, которые набивались соломой или шерстью.

¹²² Амис – совр. г. Самсун в Турции.

¹²³ Катастрома – платформа над палубой триеры для перевозки гоплитов.

¹²⁴ Акра – полис на западном берегу Керченского пролива в районе совр. мыса Такиль.

эвакуируя мирное население, запасая продовольствие и воду. Кроме того, если афинские колонисты поднимут восстание, эписбаты не смогут поддержать их с моря.

Вестовой прогудел в раковину, объявляя сбор Военного совета. Вскоре на лодках прибыли эпистолесвы¹²⁵. Приступили к обсуждению ситуации.

– Топляк снимать все равно надо, – сказал Лисандр, который еще во времена Кимона участвовал в осаде Кипра, а также отличился в битве при Саламине. – Думаю, пары триер хватит, чтобы сорвать обшивку и вырвать шпангоуты. Пошлем туда человек десять хороших пловцов и лодку с абордажными крючьями и канатами. Растащим его на куски, как крабы – падаль.

Перикл согласно кивнул, потом обратился к офицерам:

– На рассвете подойдем к берегу. Как только эписбаты окажутся в воде, начинайте обстрел стен с палубы. Зажигательными не стрелять. Попробуем взять город приступом. Остальные корабли будут дрейфовать по Боспору, ожидая команды на перестроение. В случае если Кизик сделает вылазку на триаконтерах, лембы взять в кольцо...

Разобрав тактику боя, Первый стратег отпустил офицеров. Но приказал остаться Лисандру.

– Тебе придется проникнуть в город. Найдешь ойкиста¹²⁶ афинских клерухов, потребуешь помощи.

– Афиняне? Здесь? – удивился эпистолесв.

– Десять лет назад Коллегия постановила проверить списки демонов. Бывает, что метек подкупает демарха, и тот записывает его гражданином. Когда запахло жареным, многие метеки разъехались по колониям в варварских землях, чтобы сохранить гражданство, – объяснил Перикл. – Мы их простили.

– Да, командир, – по-военному четко ответил Лисандр.

Обернувшись, Первый стратег жестом подозвал рыбака, которого днем угораздило выскочить наперерез триере. Долбленка перевернулась, но бедолагу спасли, бросив ему веревку. Теперь, замерзший на ветру и жалкий, он дожидался допроса на палубе.

– Дай ему плащ, – приказал Перикл одному из эписбатов.

Рыбак укутался в шерстяную хламиду. Его колотило, хотя скорее от страха, чем от холода.

– Как зовут? – спросил Перикл.

– Клиний.

– Покажи дом ойкиста.

– А?.. Кого?.. Зопира? Так это... возле фактории... ага, он же зерном торгует, ну вот, значит, где торгует, там и живет.

Держась за планшир, рыбак всмотрелся в береговую линию. Начал тыкать пальцем.

– Вон храм Деметры, дальше храмы Аполлона Филесия и Афродиты Урании... За ними винодельня, потом кварталы гончаров, оружейников, валяльщиков... Все эмпории – на окраине. Они, понятное дело, находятся рядом с дорогой, чтобы телеги было удобнее разгружать... Там и дом Зопира. Большой такой, из зеленого мергеля – сразу увидите.

– Кто у вас пресбевт? Гилон? – допытывался Первый стратег.

– Так это... да.

– Отношения с Кизиком какие?

– Дружат.

Перикл досадливо покачал головой: его худшие опасения подтвердились. Когда-то присланный Советом пятисот в качестве ойкиста афинянин сумел забраться на вершину власти,

¹²⁵ Эпистолесв – вице-адмирал.

¹²⁶ Ойкист – глава общины колонистов.

но, как только стал пресбевтом, ввел непомерные налоги на ввозимые из Афин товары, а последние несколько лет даже не предоставлял отчеты о проделанной работе. Формально – союзник, а фактически – местный царек, плюющий на обязательства перед метрополией.

«Значит, они близки, – думал он. – Вряд ли удастся Гилона перекупить. Если бы его мучали угрызения совести, давно бы выехал встречать эскадру».

– В городе есть фракийские наемники? – неожиданно спросил Спарток.

Рыбак кивнул.

– Где казарма, знаешь?

– А то! Это слева, возле дворца Гилона. Пристройка к кузне.

– Сколько их?

– Человек пятьдесят.

– Ты что задумал? – сощурился Перикл.

– Если они перейдут на нашу сторону, возьмем Нимфей в два счета.

Первый стратег крикнул от досады. Это что же получается, он столько сил приложил, чтобы сделать одриса гражданином Афин. А главное – полезной, можно считать, незаменимой фигурой в политической игре на Боспоре. И вот теперь он хочет совершить безрассудный, опасный поступок, который может стоить ему жизни и сорвать хорошо продуманный план.

Ответ прозвучал жестко:

– Ты не для этого плывешь в Пантикапей.

Спарток не сдавался:

– При всем уважении... Мы не знаем, сколько в городе афинян и как они настроены. Ты политик, поэтому исходишь из того, что каждый клерух должен быть патриотом Афин. А ты уверен, что они готовы идти на жертвы, рисковать своей жизнью, жизнью семьи?.. Вспомни, что ты говорил мне про пританов: каждый думает в первую очередь о достатке и спокойной старости. Чем эти афиняне отличаются от тех? У них тоже промысел, дети, добро... Ты уверен, что они хотят перемен?

– Может, и не хотят, но перемены к ним уже пришли. – Перикл обвел рукой пролив, где повсюду на фоне темнеющего неба торчали мачты триер. – Ты спрашиваешь, уверен ли я. Нет, но я верю. По моим сведениям, Гилон зажимает клерухов, обложил эргастерии непомерным налогом. Все лучшие должности отдал на кормление потомкам милетян... Так что я надеюсь на их помощь.

– Хорошо, давай оценим силы противника. Гарнизон – раз. Ополченцы – два. Наемники – три. Сколько отсюда до Пантикапея?

– Около сотни стадиев¹²⁷.

– Ночной переход. Если Кизик вечером отправит гоплитов, утром они будут здесь. Тебе нужна длительная осада?

Перикл не перебивал, хотя на скулах заиграли желваки. В нем боролись негодование и здравый смысл. Два года назад он возглавил афинскую армаду во время похода на Самос. Осада длилась девять месяцев, и все-таки мятежники сдались. Но там ситуация была другой: островитяне не могли рассчитывать на стороннюю помощь. Получается, фракиец прав: если к Нимфею подойдет ополчение из Пантикапея, дело может принять нежелательный оборот.

– Не отправит, – подумав, сказал он. – Гарнизон должен остаться в городе, а фаланга не может выдвинуться мгновенно: нужно оповестить призывников, дать им время на сборы, подготовить провиант и оружие, снарядить обоз... Мы не знаем, мир сейчас у Кизика с Окта-масадом или война. Разведчики доложили, что недавно произошла стычка под Пантикапеем, но обстановка на Боспоре меняется быстро. Нужно все проверить, чтобы не напороться на скифскую конницу...

¹²⁷ Стадий – древнегреческая мера длины, примерно сто восемьдесят пять метров.

– Кто пойдет к Октамасаду? – спросил Лисандр.

Перикл взял бороду в кулак.

– Я, кто же еще.

– Отправь одного из эпистолевсов. Не подвергай себя опасности.

– Нет, у варваров принято, чтобы вожди договаривались, глядя друг другу в глаза. Так? Он вопросительно посмотрел на Спартока.

Тот кивнул, потом напомнил:

– Наемники...

Первый стратег досадливо вздохнул.

– Я ценю твоё рвение, но пойми меня правильно. Ты мне нужен живым и здоровым. Сам знаешь почему.

– Знаю, – невозмутимо заметил Спарток. – Мы сюда воевать пришли. Стрела может найти в толпе любого, потому что смерть не разбирает, кто куда пришел, и зачем. Это может случиться и в Пантикапее. Так что ж теперь – всю дорогу прятаться за мачтой? Я верю в успех, точно управлюсь до рассвета.

Перикл молчал – ох как нелегко ему сейчас давалось решение.

– Хорошо. Пойдешь с Лисандром. Видите здание под красной черепичной крышей у подножия холма?

Оба кивнули.

– Это храм Деметры. В случае успеха любого из вас, неважно кого, нужно рядом с ним зажечь костер. Так я узнаю, что в городе нас ждут и поддержат при штурме. И добавьте в огонь побольше зеленых веток, чтобы шел белый дым.

Лисандр показал на массивное здание над обрывом, похожее на обычный глинобитный дом, но крупнее.

– Лучше там: с акрополя костер будет заметнее.

– Что в этом доме? – спросил Перикл рыбака.

– Храм Кабиров.

– Как туда попасть? По дороге нельзя... – заметил Спарток.

– Разберетесь на месте, – буркнул Перикл.

Потом снова обратился к рыбаку:

– Есть еще дороги, кроме Пантикапейской?

– Так это... конечно. Зерно же возят. Только вам по воде надо. К северу от Нимфея находится большая бухта, но она мелкая, корабли туда не заходят, только рыбацьи лодки. Можно пройти тихо, на веслах. Там моя деревня.

Дальше решили так. В назначенную ночь два небольших отряда под командованием Лисандра и Спартока зайдут в бухту на лодках, высадятся и двинутся по городу, стараясь не привлекать к себе внимания. Из оружия возьмут только махайры¹²⁸, чтобы не звенеть амуницией. Для защиты – наручи, под хлямидой не видно. После выполнения задания оставшиеся в живых рассредоточатся по городу и будут ждать штурма.

Клиний уронил голову на грудь: понял, что домой его не отпустят.

5

Утром в степь поскакали парламентареры. Вечером они вернулись с хорошей вестью: Октамасад согласен на переговоры. На следующий день эпибаты с двух триер попрыгали в воду и поплыли к берегу. Матросы вытащили на песок один из гиппосов, после чего спустили по мосткам лошадей.

¹²⁸ Махайра – копис, однолезвийный изогнутый меч гоплита, имеющий фракийское происхождение.

В телеге везли подарки для Октамасада – расписную посуду, ткани, серебряные и золотые украшения, амфоры с вином.

Перикл хотел ограничиться парой ритонов, но Спарток настоял: без богатых даров в степь лучше не соваться, потому что прийти с пустыми руками к номарху – это значит нанести ему оскорбление, считай, что переговоры закончились, не успев начаться.

Перед этим одрис спросил Перикла, искусно имитируя равнодушие:

– Сколоты здесь давно?

– Клиний сказал, что пришли пару лет назад... Сначала теснили траспиев и катиаров¹²⁹, потом вроде договорились по-хорошему. Те переселились к Меотиде.

– Откуда пришли?

– Из Ольвии.

По выражению лица Спартока Перикл понял: что-то не так.

– В чем дело?

Скрывать не имело смысла – рано или поздно правда будет раскрыта.

– Я знаю Октамасада.

– Откуда?

– Это он выдал меня брату.

Положив руки на плечи одриса, Перикл посмотрел ему в глаза.

Говорил тихо, дружелюбно, проникновенно:

– Понимаю: тебе хочется отомстить... Сейчас решается судьба Боспора. Когда эскадра уйдет в Афины, ты здесь останешься хозяином. Не мне тебя учить, просто прошу... как боевого товарища. Будь выше мести, будь политиком. Дружба греков и скифов – залог процветания края. А жизнь все расставит по своим местам.

Спарток кивнул, но по лицу трудно было понять, что он об этом думает.

Посольство направилось на северо-запад, к реке, где, по слухам, расположилось стойбище сколотов. Несмотря на опасность стычки с врагом, солдаты довольно пылили по дороге. Им нравился здешний климат – тепло, как в Элладе, небо ясное, чистое, никаких намеков на непогоду.

А краски! Аромат! Неказистый степной миндаль прячет корявые ветви под розовыми цветами. По склонам холмов разбросаны желтые шапки кизила и барбариса. В балках зелеными пузырями вскипает разнотравье. Низины пестрят красным, лиловым, голубым...

Кони привычно обмахивались хвостами: гнус везде кусает одинаково – что в горах Этолии, что на Фессалийской равнине, что в степях Боспора.

Не успели пройти и парасанга¹³⁰, как показались степняки. Словно из-под земли выросли: вот перед глазами голый холм – и вдруг всадники, в руках копы с волчьими хвостами. Встали цепью, осторожно присматриваются, не приближаясь.

Перикл отдал команду остановиться. С обеих сторон направились разъезды. Сколоты горячили тарпанов, гарцевали. Греки ехали шагом, держа копы строго между ушами коней, как на параде перед Ареопагом.

Вскоре вернулся лохаг, доложил:

– Спрашивают, почему отряд большой.

– Объясни, что это мой личный таксис¹³¹. Если не нравится, я готов оставить эпибатов здесь. Но на переговоры пойду с тарентиной. Скажи: так положено по регламенту, я все-таки Первый стратег Афин.

¹²⁹ Траспии и катиары – по Геродоту два из четырех племен сколотов.

¹³⁰ Парасанг – перс. фарсах, мера длины на Древнем Востоке и в Древней Греции, около шести км.

¹³¹ Таксис – отряд из четырех лохов, сто человек (в описываемый период таксис мог составлять любую боевую единицу, превышающую лох).

Эпибаты разбили лагерь, выставили часовых. Напротив уже горели костры степняков. Греки и сколоты вглядывались друг в друга, понимая, что от схватки отряды отделяет бросок дротика. У кого не выдержат нервы?

Посольство проскакало еще двадцать стадиев по руслу реки, когда за излучиной открылось стойбище. На взгляд Перикл прикинул его размер – около тысячи кибиток.

«Значит, лучников наберется на хилиархию», – от волнения он прикусил губу. Потом начал подсчитывать в уме: «Сколоты, гоплиты Кизика, да еще гарнизон Нимфея, фракийцы. Если с хоры подтянутся добровольцы, у Гилона воинов будет не меньше, чем у меня эпибатов. Чтобы добиться перевеса, придется раздать гребцам оружие. Но это в крайнем случае».

Степняки высыпали навстречу непрошеным гостям. Тарентина шла колонной по двое сквозь толпу из стариков, женщин, детей и редких вооруженных всадников.

«Мужчин в стойбище мало, значит, большая часть общинников в засаде, – привычно оценил ситуацию Перикл. – Да вон хоть за тем холмом. Если что, выскочат неожиданно, с любой стороны, сразу и не поймешь, откуда».

Он мысленно попросил помощи у Зевса Арея, пообещав воздвигнуть ему мраморную стелу в покоренном Нимфее.

Греки вышли к большой утоптанной площадке, в центре которой высился шатер. По войлочным полосам за вышитыми золотом оленями гнались грифоны с львиными головами. Над входом свисала алая парчовая попона.

По периметру площадки плечом к плечу выстроились копейщики, отесняя зевак ударами древка. Перед входом послов ждали лучники: стояли по обе стороны дорожки из волчьих и лисьих шкур со стрелой, вложенной в тетиву.

Всадники спешили, но держались за удила под самой мордой коня, чтобы быстро вскочить в седло по тревоге. Чубатый воин с топором за поясом показал три пальца. Гости подчинились, понимая, что придется играть по правилам хозяев. Сняв шлем и португю, Перикл шагнул в темноту шатра. За ним последовали двое эпибатов с мешками.

В полумраке ярким пятном светилась жаровня. Октамасад сидел на медвежьей шкуре, покрывавшей мощный пень с отполированными обрубками корней. Из-под меха виднелась замысловатая резьба по дереву: орлиноголовые грифоны, гирлянды, растительный орнамент.

От курильниц-треног к дыре в потолке тянулись нити дыма. Пахло ладаном и шафраном.

Перед номархом стоял закопченный алтарный стол в виде круглого плоского камня, с одной стороны которого выступала грубо высеченная баранья голова. Среди бронзовых канфаров¹³² на столешнице тускло отсвечивали золотом два килика¹³³. Чернолаковый кратер был наполнен вином до краев.

Октамасад облачился в шерстяной гиматий, явно греческой работы, и остроконечный войлочный колпак с башлыком и поушиками, украшенный золотыми бляшками. Сочетание средиземноморского меандра¹³⁴ по краю одежды с диким, но величественным варварским треном вызывало удивление.

Но еще более странными выглядели фигуры двух мужчин, в длинных халатах с широкими рукавами, которые сидели на войлочном ковре, поджав под себя ноги. Коса, выпущенная из-под бабьего платка на плечо, и лохматая борода делали их облик комичным. Картину дополняли пестрые бусы.

Перикл едва сдержал улыбку: «Энареи».

Октамасад огладил висащие усы, при этом на груди звякнула гривна из золотых монет. Он казался намного моложе Перикла, но старался держаться важно.

¹³² Канфар – чаша для питья в форме кубка с двумя вертикальными ручками.

¹³³ Килик – сосуд для питья плоской формы на короткой ножке.

¹³⁴ Меандр – геометрический узор, состоящий из изломов прямой линии под прямым углом.

– Мир тебе, – поздоровались послы.

Номарх ответил на греческом.

Гости выложили дары. Октамасад кивал, довольно улыбаясь. Энареи бесстрастно перебирали в руках тонкие полоски свежесодранной коры. Казалось, их ничто не волнует, кроме внутреннего диалога с Аргимпасой.

Перикл напряженно ждал, когда гостям предложат сесть, зная, что стоящий перед варваром посол не может рассчитывать на успех в переговорах. Когда слуги подставили сзади деревянную скамью, он с облегчением выдохнул.

Октамасад молча уставился на него.

– Я пришел предложить тебе мир, – сказал Перикл.

– Так мы вроде не воюем, у нас флота нет.

– Я хочу взять Нимфей. Потом – Пантикапей. Дальше посмотрим... Думаю, что, когда эти два города будут моими, остальные сдадутся сами.

Октамасад сделал вид, что удивлен, но не проронил ни слова. Пауза затянулась.

Перикл решил объясниться сразу.

– Не ходи туда! Давай договариваться, – сказал он, резко подавшись вперед.

Бросив взгляд на энареев, номарх кивнул. И снова выжидательно уставился на посла.

Первый стратег продолжил:

– Три года беспшлинного ввоза в Пантикапей овечьих шкур и зерна.

– Пять, – быстро выпалил сколот. – И свободный проход в Парфений¹³⁵.

Перикл согласился не сразу – сделал вид, что думает.

– Хорошо... Теперь объясни: я знаю, что Кизик заплатил тебе дань. Ты связан обязательствами?

Номарх пожал плечами.

– Я обещал не трогать хору. Так ведь и ты того же просишь. Не вижу противоречия.

Он откинулся на троне, хитро улыбнувшись.

– Но дружба с тобой не означает вражду с Кизиком. Мы ходили к Боспору при его прадеде, деде и отце, так что складывается традиция, а мы традиции чтим. Пойми меня правильно: нам все равно, кто правит в Пантикапее, но только глупец будет гадить в колодец, из которого пьет. Надеюсь, ты понял мою метафору?

Гость кивнул.

– И еще один вопрос, – Перикл замялся, словно ему было неудобно поднимать эту тему. – Ты номарх, а значит, подчиняешься базилевсу. Что если Ишпакай прикажет тебе атаковать Нимфей?

Октамасад нахмурился.

– Геррос¹³⁶ далеко. Но не настолько, чтобы не знать, что там происходит. Если Ишпакай соберется войной на Боспор, я об этом узнаю до того, как все номы будут здесь. И ты тоже.

Перикл поднялся, подошел к Октамасаду, протянул правую руку. Союзники сжали запястья.

– Выпьем! – рявкнул номарх, передавая послу золотой килик.

Второй взял себе. Энареям и спутникам Перикла достались бронзовые чаши.

Чубатый сколот зачерпнул вино из кратера круглым сосудом. Когда он разливал вино по кубкам, греки поняли, что это не сосуд, а позолоченный череп. Оторопело посмотрели друг на друга, не зная, что делать.

¹³⁵ Парфений – полис в восточной части совр. Керчи, откуда в древности скифы переправлялись по льду через Боспор и Северную косу до города Ахиллий на Таманском полуострове.

¹³⁶ Геррос – столица скифов до III в. до н. э., которая располагалась в районе совр. Никополя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.